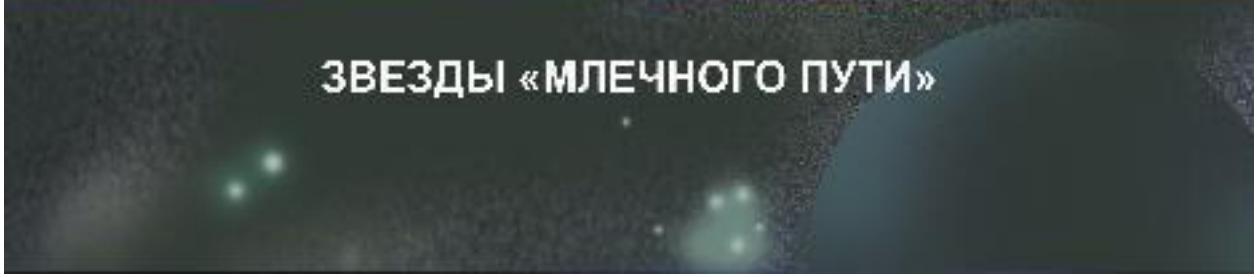

Павел Амнуэль

**ОБРАТНОЙ
ДОРОГИ
НЕТ**

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

ЗВЕЗДЫ «МЛЕЧНОГО ПУТИ»

Павел Амнуэль

Обратной дороги нет (сборник)

«Млечный путь»

Амнуэль П. Р.

Обратной дороги нет (сборник) / П. Р. Амнуэль — «Млечный путь»,

«И умрем в один день...» – частный детектив расследует преступление, совершенное 12 миллиардов лет назад.«Завещание» – самое необычное завещание в истории человечества.«Я помню, как убила Джоша» – прошлое: застывший пруд или изменчивая река?«Полет сокола» – всегда ли выполняются основные законы физики?«Обратной дороги нет» – человек меняется, и нет возврата к прежнему типу мышления.

Содержание

И умрем в один день...	5
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Павел Амнуэль

Обратной дороги нет (сборник)

И умрем в один день...

Начало чего бы то ни было – в этом я убедился на собственном опыте – обычно бывает банальным и не интересным в описании. Сказать: посетитель вошел в мой кабинет, сел на предложенный ему стул и… что? Нужно ли это описывать, как и вялый разговор, в ходе которого мы с синьором Вериано Лугетти присматривались и прислушивались друг к другу, делая определенные выводы и решая – каждый для себя – следует ли связываться: мне с этим клиентом, а ему – со мной, не имевшим большого опыта в расследовании уголовных преступлений.

– Должен вас предупредить, – сказал я, – у меня определенная специализация…

– Знаю. Семейные проблемы. Но все зависит от интерпретации, верно? Одну и ту же фразу можно понять по-разному… В общем, – синьор Лугетти неожиданно смутился и покраснел, как девушка после первого поцелуя, – давайте, я вам сначала все расскажу, хорошо?

– Рассказывайте, – кивнул я и, как пишут графоманы в своих нетленных творениях (без этой сакральной фразы не обходится ни один опус), откинулся на спинку кресла, прищурил глаза и обратился в слух.

Синьору Лугетти на вид было около сорока лет, типичное лицо уроженца Калабрии, черные с проседью волосы гладко зачесаны назад, из одежды можно упомянуть дешевый коричневый свитер, заправленный в джинсы, и легкую куртку, небрежно наброшенную на плечи, так что она грозила свалиться на пол, и синьору Лугетти приходилось поправлять ее небрежными жестами. Посетитель раскрыл рот и произнес самую необычную речь, какую мне приходилось слышать.

– Синьор Кампора, – сказал он, – я по профессии физик. Говорю об этом, потому что физика имеет непосредственное отношение к тому… гм… событию… или, лучше сказать, явлению… Неважно. Определения обычно не позволяют взглянуть глубже поверхности, а мне нужно… В общем, я физик, доктор, работаю в университете. Тридцать шесть научных статей, опубликованных в престижных журналах, в том числе в «Physical Reports». Моя специализация – космология. Точнее – исследование ранних стадий эволюции Вселенной. Еще точнее – теория Большого взрыва, о котором вы, надеюсь, слышали. А если совсем точно – расчеты влияния психофизических волновых функций на эмуляционную структуру мироздания с учетом переменных начальных и граничных условий. Э-э… Собственно, такой была тема моей докторской диссертации…

– Ну да, – сказал я, вклинившись в небольшую паузу, которую позволил себе синьор Лугетти, чтобы перевести дух. – Большой Бум, как же. Я только попросил бы вас не отвлекаться…

– Я не отвлекаюсь, – покачал головой синьор Лугетти, – напротив, моя профессиональная деятельность имеет прямое отношение к… Так вы слушаете?

Я промолчал.

– На чем я… – пробормотал посетитель. – Да, Большой взрыв. Что-то произошло двадцать три миллиарда лет назад. Или тридцать, на этот счет существуют разные мнения…

– Послушайте, – не удержался я, – меня не интересуют ваши профессиональные интересы. Если у вас есть проблемы в семейной жизни…

– Но я о них и говорю! – с неожиданным жаром воскликнул синьор Лугетти.

– Не улавливаю связи.

– Сейчас уловите. То есть, я надеюсь... Иначе... Нет, я определенно надеюсь, что мы с вами достигнем понимания.

Он запнулся, поняв, что все дальше удаляется от заготовленного, видимо, заранее вступительного слова, и вернулся к тексту, как это делают неискушенные докладчики.

– Синьор Кампора, современная физика прекрасно описывает все, что происходило с нашей Вселенной в первые микросекунды... Хокинг... О Хокинге вы, надеюсь, слышали?

– Да, – сказал я, понимая, что лучше отдельываться короткими фразами. О Хокинге я не только слышал, но и видел беднягу пару раз в телевизоре.

– Так вот, – продолжал синьор Лугетти, – Мы знаем, что происходило со Вселенной. Мы знаем, как оставало вещества. Мы можем ответить на множество вопросов: «Как формировались атомы?» и «Какой была плотность?», и «Когда начался процесс образования галактик?» Как, когда, где, сколько... Но самым интересным и сложным для исследователя является вопрос: «Почему?» Этим я и занимаюсь – уравнениями причинности в квантовой космологии.

– Послушайте, – сказал я, – думаю, мне понятна ваша проблема. С женой, да? Я ее понимаю: если вы каждый день излагаете ей свои теории перед тем, как лечь в постель... Давайте конкретно: она вас бросила или завела любовника?

В таких случаях лучше говорить прямым текстом: клиент сразу забывает о заготовленных вступлениях.

– Кто? – искренне поразился синьор Лугетти. – Лючия? Любовник? Она... Я пока действительно не объяснил, чего хочу именно от вас. Вы детектив. Вы хороший детектив, я навел справки...

– Занимаюсь исключительно семейными проблемами, – вставил я.

– Да, но три года назад вы раскрыли дело об убийстве Калабрезе в Чивитта-Рокко.

– Я действовал с согласия полиции, и это был единственный случай...

– Неважно! Вы можете это сделать! Больше никто, я уверен, а вы можете!

– Вы хотите сказать, – медленно произнес я, – что речь идет об убийстве? Я безусловно не смогу заняться таким расследованием. Если произошло убийство, и вам о нем что-то известно, вы обязаны обратиться в полицию. В полицию, синьор Лугетти. Вы обращались в полицию?

Я трижды повторил слово «полиция», чтобы он понял.

– В полицию? – переспросил Лугетти таким тоном, будто я посоветовал ему сходить в цирк. – Вы представляете, за кого они меня примут, если я скажу: «Нужно расследовать трагедию, произшедшую двадцать три миллиарда лет назад»? А?

Он почему-то не подумал о том, за кого приму его я, если он задаст этот вопрос мне.

– Да, речь идет об убийстве, – неожиданно спокойно, сухо и уверенно произнес синьор Лугетти. – Несчастный случай или самоубийство я исключаю, уравнениям квантовой причинности эти версии не соответствуют.

– Я повторяю: вы должны сообщить в полицию.

– Проблема в том, что я ничего не могу доказать сам. Этот проклятый вопрос: «Почему?»... Мотив. Да. Должен быть мотив. И пока мы с вами его не узнаем...

– Хорошо, – сказал я, – в полицию позвоню я сам. Назовите имя погибшего. Скажите, когда это произошло. И где.

– Да, – кивнул синьор Лугетти, – к этому я и веду. Произошло это примерно двадцать три миллиарда лет назад. А имя жертвы... Послушайте, я же с этого начал! Большой взрыв. В тот момент погибла Вселенная!

* * *

Вы думаете, я решил, что синьор Лугетти – сумасшедший? Многие, наверно, так и подумали бы, не спорю. Но я видел его глаза, его лицо, его руки, лежавшие на коленях, я слышал

интонации его голоса, и мне ни на миг не пришло в голову, что этот физик свихнулся на своих теориях. Я повидал психов на своем веку – десятки психически неуравновешенных и попросту больных клиентов требовали расследовать недостойное, по их мнению, поведение жен и мужей, друзей и подруг, любовниц, любовников и даже, бывало, сестер или кузин. Я давно научился отличать настоящую ревность от безумной жажды собственника иметь в своем личном распоряжении не только тело женщины, но и ее душу, ее мир, ее суть.

Это я к тому, что слова синьора Лугетти показались мне странными, непонятными, но никак не безумными. Я только попросил его повторить сказанное еще раз, поскольку не понял смысла и хотел удостовериться, что все правильно рассыпал.

– Вы все рассыпали правильно, синьор Кампора, – спокойно произнес посетитель. – Речь идет о трагедии, произошедшей двадцать три миллиарда лет назад. Двадцать три миллиарда и еще сколько-то сотен миллионов, за точность этого числа ручаться не сможет ни один физик, в данном случае выступающий в роли патологоанатома. Многое в определении времени смерти зависит от того, какой была температура окружающей среды, какова влажность воздуха, сколько весил покойник, что он ел, от множества факторов, которые вам известны лучше, чем мне. Так и здесь – существует множество теорий, и множество моих коллег, используя множество поистине уникальных наблюдений, дают свои значения возраста Вселенной... по сути, возраста этого тела... трупа, если хотите... Да, – прервал он себя, – простите, я увлекаюсь, когда начинаю говорить о... Вы останавливайте меня, когда надо, задавайте вопросы, тогда, полагаю, мы лучше поймем друг друга и сумеем вместе... Вы умеете спрашивать, это ваша профессия.

Он замолчал, наконец – должно быть, я все-таки сумел прервать его монолог своим взглядом, а может, у него иссяк энергетический заряд или что там есть у человека в мозгу, заставляющее говорить-говорить-говорить, а потом вдруг иссякающее, после чего заканчиваются слова, и говорить становится нечего, хотя, возможно, и хочется, потому что не сказанного все равно остается гораздо больше, чем уже произнесенного.

– Давайте поставим точки над i, – сказал я. – Вам нужно кого-то найти? Это связано с вашей работой? Вы физик, как я понял. Что-то случилось. Давайте я буду задавать вопросы, вы отвечайте. Желательно – коротко. Да-нет. Как?

– Да, – сказал он.

Понятливый, уже хорошо.

– Где вы работаете?

Он посмотрел на меня изумленным взглядом. Действительно, ни «да», ни «нет»... Я пожал плечами, и он ответил:

– Лаборатория квантовой космологии, Римский университет.

– Где живете?

– Улица Гарибальдийцев, восемнадцать.

– Женаты? Есть дети?

– Женат. Жену зовут Лючия. Детей нет.

– Возраст. Ваш, а не жены.

– Тридцать шесть.

– Ваша проблема связана с профессиональной деятельностью?

– Да.

– По вашему мнению, вы столкнулись с криминальным случаем?

– Да, безусловно.

– Смерть?

– Да.

– Мужчина? Женщина?

Он смерил меня изучающим взглядом. Пожал плечами.

– Ни то, ни другое.

Я вздохнул. Вроде бы мы нормально начали, но если он сейчас опять свернет на ту же дорожку... Может, подойти с другого конца?

– Вы кого-нибудь подозреваете? Если речь идет о криминальном случае, то, что бы ни произошло, должен быть виновник, так? У вас есть подозрения?

– Да.

– Вы можете назвать имя?

– Да.

– Назовите.

– Боюсь, что...

– Ну же...

– Потом. Я назову... потом.

– Ну, хорошо. Итак, погиб... некто. Не мужчина и не женщина. Человек?

– В определенном смысле. Я же сказал – Вселенная.

– Это имя?

– Это... да, в определенном смысле. Вы беретесь за мое дело?

Я долго смотрел в его глаза. Я старался понять, чего он все-таки от меня хочет. Почему он так и не сказал правды? Мне было любопытно. Я знал, что скажу «да», потому что не мог отказаться от дела, в котором ничего не понимал. В моей практике это случалось дважды. Первый раз – когда я ушел из полиции, еще до того, как официально открыл агентство, и работал, как мальчик на побегушках, выполняя поручения коммандаторе Мальфитано, моего бывшего начальника. Он попросил меня проследить за... неважно. Я проследил. То, что происходило в доме синьора... назовем его синьором Зедда... было понятно не больше, чем измена Кармеллы, от которой я тогда пытался оправиться. Мне и докладывать было нечего, потому что я не знал – что именно из происходившего относилось к делу, что – нет, а что мне вообще только мерещилось из-за моего больного тогда воображения. Но прошло время, и я разобрался. Понял. Как потом оказалось, понял даже то, во что коммандаторе Мальфитано не собирался вмешиваться и совсем не хотел понимать. Ладно. Потом был еще случай, на третьем, кажется, году – я взял на работу Беппо, тоже бывшего полицейского, отличный был фильтр, равного ему я и сейчас не знаю. Когда он погиб, глупо, нелепо, переходил улицу (на красный, естественно, он никогда не признавал светофоров), и его сбил грузовик, так вот, когда он погиб, я закрыл бюро и целый месяц пил, тогда-то... да, тогда-то Кармелла ко мне и вернулась, вот странно: когда мне было хорошо, когда я был на коне, когда мог ей что-то дать, позаботиться, тогда ей было это не нужно, она искала чего-то другого, а когда мне стало плохо, работа разваливалась, я мог лишиться лицензии, и денег не осталось ни лиры, почему она вернулась именно в тот день, пришла, сунула ногу под дверь, не позволяя мне закрыться в квартире, протиснулась в прихожую и сказала: «Джузеппе, ты можешь приготовить мне кофе?»

Да. И на другой день появилось то дело. Потом я выступал в суде, как свидетель, и все разложил по полочкам. Это туда, а это сюда. Адвокат подсудимого слова не смог вставить. Все было ясно. А когда работа начиналась, понятно было только, что если я это распутаю, то гонорар позволит выплыть, и не только выплыть, но даже взлететь, я сказал Кармелле: «Это потому, что ты вернулась. Теперь у нас все будет хорошо».

Но все не было хорошо. Не бывает, чтобы хорошо было все. Что-то всегда остается. Не вокруг, а во мне самом, и я сам не всегда понимал, что именно оставалось во мне после того или иного дела, от того или иного клиента, той или иной ситуации. Почему я на пятой минуте разговора не сказал синьору Лугетти: «Извините, у меня нет времени»?

Потому что я ничего не понимал. Если бы понял хоть что-то, может, и послал бы синьора Лугетти подальше. Но если... ничего?

– Берусь, – сказал я. – Только не спрашивайте – почему.

Он пожал плечами. Этот вопрос его не занимал.

— Гонорар, — сказал я, — обычный. Пятьсот лир в час, а если придется работать больше восьми часов, то гонорар двойной. И представительские — по предъявлению счета.

— Вряд ли вам это понадобится, — сказал он. — Хотя... кто знает.

* * *

Он говорил, я слушал. Он говорил долго, а я слушал очень внимательно. Сначала мы пили кофе в моем кабинете, и Сильвия время от времени сообщала о том, что «позвонил синьор Кавалли, спрашивает, что там с его женой» или «Капекки сообщил, что сделал нужные снимки и возвращается». Потом мы перешли с синьором Лугетти в пиццерию к Джино, заняли кабинку, я заказал полную пиццу с помидорами и луком, а мой визави — лазанью и бутылку «кьянти», и рассказ свой он построил так, что прервать его было невозможно. То есть, я прекрасно понимаю, что Поджи или Ганасси прервали бы синьора Лугетти безо всяких сожалений и забыли бы о нем через минуту после того, как выставили бы посетителя из кабинета. Мы сидели у Джино, ели пиццу, запивали вином, и на какой-то минуте рассказа я вдруг поймал себя на мысли, что уже провожу некие параллели, что-то с чем-то сопоставляю, соображаю о том, кого и по какому следу я бы пустил, если бы принял первую версию, а с кем поговорил бы — если бы принял вторую.

— Есть такая физическая модель, — увлеченно говорил синьор Лугетти, — теория... называйте как хотите... будто после Большого взрыва Вселенная будет расширяться не вечно, а какое-то время... огромное, но не бесконечное... Когда-нибудь, однако, нынешнее расширение сменится сжатием, и вся материя соберется в неизмеримо малую точку, которая и станет конечным состоянием мироздания.

Предположим — только предположим! — что жизнь и разум сохранятся до того момента, когда Вселенная достигнет конечной точки своей эволюции. Неважно, когда это произойдет. Через миллиарды лет? Пусть хоть через триллион.

А теперь смотрите. Человек разумный — по сути, такая же машина, как и компьютер. Конечно, более сложный (пока!) и менее понятно устроенный. Сходство же человека и компьютера заключается не в их сложности или простоте, наличии или отсутствии души (это — отличия!), а в том, что оба являются так называемыми конечными автоматами. Иными словами, число операций, действий, мыслей, логических предположений и выводов, которые способно выполнить человеческое существо, вовсе не бесконечно, хотя и очень велико. И если бы человек мог прожить достаточно долгое время (миллиарды лет, да, но допустим такую возможность), то вдруг обнаружил бы, что в точности повторяет то, что уже было, абсолютно точно воспроизводит ту или иную ситуацию своей удивительно долгой жизни. Опять идет на первое свидание на городскую площадь с фонтаном. Опять говорит начальнику: «Не буду я с вами работать, мне не нравятся ваши методы». Опять...

Это повторение пройденного, это *déjà vu* становится неизбежным для существа, способного прожить так долго, чтобы исчерпались все возможности, заключенные в его неизбежно конечном материальном воплощении.

Чтобы стало совсем понятно, представьте себе, синьор Кампора, систему из кубиков разного цвета. Вы переставляете кубики, меняете их местами, вверх, вниз, вправо, влево, вы каждый раз записываете расположение и конфигурацию, и через какое-то время (если кубиков мало, то — очень скоро) увидите, что начинаете в точности повторять то, что уже делали.

Конечно, человек — не система из десятка кубиков. Но тут вопрос принципа: число вариантов в любом случае конечно!

Судьба любого конечного автомата (не обижайтесь – вы именно таковы и являетесь, несмотря на всю вашу сложность и утонченность): после какого-то момента повторять и повторять то, что уже было сделано и подумано.

Эта информация накапливается и сохраняется (куда ж ей деваться, если все действия повторяемы, а все ситуации, так или иначе, возникают опять!).

Теперь представьте: наступает момент, когда Вселенная вновь сжимается до чрезвычайно малых размеров. Все. Конец. Если момент Большого взрыва можно назвать Точкой «А», началом Вселенной, то момент нового сжатия в кокон – это Точка «Зет». Финал процесса. В Точке «Зет» мироздание будет содержать всю информацию о себе с самого начала времен и до самого конца. Количество информации, которая будет содержаться в Точке «Зет», давно подсчитано: это число десять, возведенное в степень, равную единице со ста двадцатью тремя нулями. Написать это число невозможно, поскольку число нулей в нем составляет, в свою очередь, десятку, возведенную в сто двадцать третью степень. Чтобы записать такое число, не хватит всей бумаги, произведенной людьми за многие века!

И это сугубо научный вывод, который следует из современных, подтвержденных наблюдениями, теорий происхождения и эволюции Вселенной.

Но нам-то, спрашивается, что до того? Ведь Точки «Зет» еще нет. Точка «Зет» возникнет через миллиарды лет. Да, Она будет всеведуща и всемогуща. Она будет знать все о нас с вами и сможет сделать с этим знанием все, что Ей заблагорассудится. Но нам-то что до этого? Мы живем, и мы умрем, и...

На этом месте рассуждение теряет смысл, потому что, когда в конце времен возникнет всезнающая и всемогущая Точка «Зет», возникнем опять и мы с вами, и начнем опять жить, и будем опять проживать каждое мгновение нашей уже прошедшей или еще не состоявшейся жизни. И более того: мы проживем те варианты наших жизней, которые в нынешней реальности не осуществились! Вы хотели однажды сказать начальнику, что он дурак, гордо повернуться и хлопнуть дверью? Вы этого не сделали и до сих пор жалеете? Так вот, воскреснув в Точке «Зет», вы проживете и этот вариант, и хлопнете дверью, и сумеете узнать, как от этого поступка изменится ваша жизнь.

Жизнь – это информация. Это те сведения о нашем прошлом, что записаны в нашей памяти, это те мысли о будущем, что посещают нас по ночам, это то, что мы видим глазами, слышим ушами, то, что ощущаем всеми другими органами чувств, это боль, которую мы чувствуем, если нас ранить; короче говоря, – вся информация о нашем внутреннем мире и о нашем взаимодействии с миром внешним.

Информация исчезнуть не может. Частицы света продолжают двигаться, излучаться и поглощаться. Атомы, молекулы, поля – все записано во всем, и все остается, и нужно только собрать эту рассеянную информацию в нужном порядке, чтобы воскресить вас, меня, наших родных и близких, и вообще каждое живое существо, существовавшее на планете с тех давних времен, когда в первичном океане плавали трилобиты.

В точке «Зет» вы воскреснете в том возрасте, какой сами для себя выберете. Или в том, какой выберет для вашего воскресения вселенский компьютер Точки «Зет». Вы воскреснете в любой момент вашей прожитой жизни и проживете ее опять. Вы воскреснете в любой момент той вашей жизни, о какой мечтали, но прожить не сумели. Вы воскреснете здоровым, если были больны, и воскреснете больным, если были здоровы.

Вы будете опять жить, и опять любить, и опять умрете, чтобы опять воскреснуть, но так и не узнаете, что ваша новая жизнь в любом ее варианте – всего лишь восстановленная Точной «Зет» информация.

Специалисты по компьютерам знают разницу между понятиями «симуляция» и «эмulação». Симуляция – это создание модели реальности, это неизбежное упрощение, когда что-то отбрасывают, что-то меняют, что-то придумывают, чтобы сделать модель работоспособной.

Наши современные компьютерные игры, самые сложные из них, – это симуляция, моделирование реальности.

Эмуляция – это повторение реальности «один к одному», атом за атомом, бит за битом, квант за квантом. Так вот, Точка «Зет» способна эмулировать, воссоздать все, что происходило, и все, что могло произойти, для этого у нее достаточно информации и возможностей.

«Но разве, – скажете вы, – сохранится вся информация обо мне, о всей моей жизни? Разве частицы света не рассеиваются и не поглощаются, атомы не распадаются? Точка „Зет“ может эмулировать, воссоздать то, что известно. Что будет известно обо мне через триллион лет в Точке „Зет“? Ни-че-го!»

Ну и что? Вы все равно воскреснете, можете не беспокоиться. Вы воскреснете, даже если вообще никакой информации о вас невозможно будет извлечь из светового конуса прошлого. Ресурсы вселенского компьютера возрастают без ограничений по мере приближения к Точке «Зет», и, значит, если будут сохранены хотя бы самые грубые описания нашего нынешнего мира, то неизбежно настанет время, когда ресурсов мироздания окажется достаточно, чтобы эмулировать наш сегодняшний мир просто грубой силой – эмуляцией всех логически возможных вариантов.

Иными словами: сохранится ли в Точке «Зет» хоть какая-то информация о нас с вами или не сохранится вовсе, воскрешены мы все равно будем, причем во всех мыслимых и немыслимых вариантах нашей судьбы. Ведь как бы ни сложно было устроено тело человека и каким бы сложным ни оказался его внутренний мир, все равно информация об этом теле и этом внутреннем мире равна некоторому конечному, пусть и колоссально большому, числу. Как обезьяна, сидящая перед клавиатурой компьютера, безусловно, наберет, случайно ударяя по клавишам, – дайте только срок! – полный текст нашего с вами разговора, так и Точка «Зет» эмулирует простым перебором вариантов и нас с вами, и дом наш, и страну – такими, какие мы есть «на самом деле», и такими, какими мы хотели бы стать, и такими, какими бы стать не хотели, и даже такими, какими мы в этой нашей реальности не могли бы стать в принципе.

Так что воскреснем мы, конечно, хотим того или нет.

Самое пикантное то, что именно это и происходит. Мы переживаем с вами этот повтор, эту эмуляцию. Все мы – воскрешенные в Точке «Зет», один из множества восстановленных Точкой «Зет» вариантов.

Этим я и занимаюсь, этим занимается квантовая космология. Если мы с вами, вся наша Вселенная – эмуляция, повторение когда-то существовавшей реальности, если на самом деле мы в Точке «Зет»… собственно, сейчас это уже можно считать доказанным… тогда параллельно с нашей реальностью существуют другие… огромное множество… понимаете? В том числе и такие реальности, в которых не было Большого взрыва, Точка «Зет» эмулирует подобные миры в столь же невообразимых количествах, об этом мы с коллегами дискутировали два года назад, Юрковски и Копелев, это русские из Петрограда, они получили Нобелевскую… Да, так я хочу сказать: Точка «Зет» может создать любую эмуляцию, но… создает ли? Есть две школы в современной космологии, одна – это как раз школа Копелева – доказывает, что Точка «Зет» конструирует эмуляции, как компьютер перебирает варианты, играя в шахматы. А другая школа… моя, собственно… я доказываю… нет, доказал, это опубликовано… что эмуляции возникают тогда, когда чья-то квантовая функция… вам это сложно, я скажу так: человек – это ведь тоже квантовая система, согласны?

Я пожал плечами, потому что синьор Лугетти сделал паузу, то ли ожидая моей реакции, то ли для того, чтобы перевести дух.

– Неважно, – продолжал он. – Суть в том, что эмуляция возникает и мир меняется, когда вы… ну, понятно, не только вы, кто угодно, отдающий отчет в своих желаниях… когда в душе возникает сильнейший порыв… возмущение квантовой системы, да… И тогда вместо спокой-

ной эмуляции безо всяких там взрывов и сингулярностей возникает такая, как... Наша, собственно. Понимаете?

– Нет, – сказал я.

– ...И никто не знает, что происходило с эмуляцией до того, как она возникла! До того, как произошел Большой взрыв.

Синьор Лугетти услышал, наконец, мое «нет», высоко поднял брови, посмотрел на меня с недоумением, вздохнул и сказал:

– Синьор Кампора, вы, конечно, все еще недоумеваете, при чем здесь криминал, какое вы ко всему этому имеете отношение. Хотя я по вашим глазам вижу, что кое о чём вы все-таки догадываетесь, да, я вижу, и, вполне возможно, вы недалеки от истины... Смотрите. Можно говорить о том, что в момент Большого взрыва Вселенная родилась, а можно говорить, что – погибла. Поскольку мы живем в эмуляции, то второе предположение более обосновано с точки зрения квантовой космологии. Хотите аналогию, чтобы было понятнее? Вчера показывали по телевидению, как террорист-смертник взорвал себя на вокзале в Буэнос-Диасе. Тридцать два человека погибли, но я не о том... Когда он нажал на кнопку, и произошел взрыв... Представьте, что вы находитесь там, внутри плазменного расширяющегося облака, вы только что осознали себя, созданные случайной игрой физических величин из соединяющихся друг с другом плазменных густоков, расширяющихся со сверхзвуковой скоростью и вот-вот готовых рассяяться... Да, время... Время – понятие относительное. Время бабочки – одно, для черепахи время течет иначе, и оба воображают, что прожили одинаково долгую и счастливую жизнь. А время существа, живущего в сгустке плазмы... То есть, ваше время, да. Вам кажется, что минули столетия, а с точки зрения жертвы, которой острый гвоздь угодил в солнечное сплетение, все заняло доли секунды и было так оглушительно... Да. Разве не покажется вам, что вы живете в расширяющейся Вселенной, возникшей в момент Большого взрыва, в тот момент, когда смертник нажал на кнопку? С вашей точки зрения, мироздание возникло из ничего, потому что вы ничего не знаете ни о Буэнос-Диасе, ни о гражданской войне, ни вообще об огромном внешнем мире, который тоже, видимо, возник из... Это другая эмуляция. Да. И за те десяти – с точки зрения жертвы теракта! – доли секунды, в течение которых плазменное облако будет рассеиваться над городом, разве у вас, в вашем мире не пройдут века и эпохи, и вы разве не будете биться над вопросом – откуда все пошло, и как родился ваш мир, хотя на самом деле этот ваш мир – это мир смерти, разрушения, но вам никогда не придет в голову хотя бы попытаться понять, почему это случилось, кто и главное, почему нажал на кнопку...

Хорошо, что синьор Лугетти опять сделал паузу – должно быть, перехватило дыхание, он ведь говорил, не переставая, не позволяя мне вставить слово, но и себе не давая ни малейшей передышки, видимо, все-таки боялся, что я встану, брошу на стол несколько купюр и уйду, не попрощавшись.

– Это разные вещи, синьор Лугетти, – сказал я. – Бомбу в Буэнос-Диасе взорвал смертник. Вы же не станете искать виновника внутри гриба, возникшего в момент взрыва! Виновник – снаружи.

– Вот! – воскликнул он и закашлялся так сильно, что мне пришлось встать, обойти стол и крепко стукнуть его по спине. Синьор Лугетти перестал кашлять, удивленно посмотрел на меня снизу вверх и, неожиданно улыбнувшись, сказал: – Спасибо.

Я вернулся на свое место и положил руки на стол.

– Интересно, – сказал я. – Никогда не думал, что всю эту хрено... я имею в виду физику... с сотворение и гибель мира... можно рассказать так образно. Сижу, слушаю, даже спорить с вами пытаюсь. Но давайте все же перейдем к делу. Вы меня наняли...

– Уже нанял? – быстро спросил он, и рука его с рюмкой дрогнула, пара капель вина пролилась на скатерть, и синьор Лугетти, допив «кьянти», принял тщательно протирать пятнышко бумажной салфеткой. Аккуратный.

– Мы вроде договорились о гонораре? – спросил я в свою очередь и забрал из его руки салфетку: все равно пятнышко останется, пусть этим займутся в прачечной. Всякая аккуратность имеет границы. И главное – смысл.

– Да, – кивнул он.

– Тогда давайте серьезно. Ваши аналогии понятны. Ваше желание объяснять образами я тоже понял. Случившееся стало для вас таким же потрясением, как Большой взрыв – для нашей Вселенной. Так, верно? Вы даже сейчас не в состоянии говорить о произошедшем прямым текстом. Не качайте головой, я знаю, что это так, мне уже приходилось встречаться с... Года три назад... да, точно, три с половиной года, зимой, явилась ко мне дама и принялась рассказывать, как ужасно, что увял ее любимый цветок... гортензия... не потому увял, что холодно, а потому, что кто-то обломил ей ветви, и она не выдержала... Ну, в таком духе. Признаться, я решил сначала, что она сбежала из больницы, но, глядя в ее совершенно здоровые глаза – ни тени безумия, можете мне поверить! – понял, что это просто метод изложения... Случившееся так ее потрясло, что она не в состоянии была называть вещи своими именами. Пришлось продираться сквозь иносказания. Гортензия – это имя ее подруги, как вы могли догадаться. Они были в лейбсбийской связи довольно долго, а потом та... гм... решила выйти замуж. Предательство, да? И муж Гортензии... ну, так показалось моей клиентке... попросту ее сломал, как цветок, сломал ее характер, ее жизнь...

Я тоже говорил долго, в таких случаях без монолога обойтись невозможно, я уже через это проходил и не только с синьорой Марией и ее любимой Гортензией, был и еще случай... говорить надо, не переставая, переводить стрелки в мозгу, переводить способ мышления с мифологического на обычный, это может получиться, а может и нет, с Марией получилось, и я тогда смог вернуть ей... не подругу, подруга так и осталась с мужем... вернуть ей веру в себя, в то, что она еще будет счастлива. Может, она и стала счастливой, не знаю, я ее с тех пор не видел. И этот Лугетти, конечно, тоже...

– ...я понимаю ваши аналогии и даже готов их интерпретировать, как сами вы в своих научных исследованиях интерпретируете явления мирового порядка, но, боюсь, если я зайдусь собственными измышлениями, мы далеко не продвинемся, и проблема ваша останется не решенной, а я не хочу, чтобы вы зря тратили деньги. Полагаю, Большой взрыв – ваше сравнение с терактом это доказывает – говорит о том, что с близким вам человеком произошло нечто... он не погиб, полагаю, иначе... да, иначе Вселенная не возникла бы вовсе... он не погиб, но стал калекой, и это не был обычный теракт, когда известно кто исполнитель, но непонятно, кого призывать к ответу. Вы говорите, что у вас есть подозреваемый, значит, это не классический теракт, а скорее криминальная разборка... Да, и ваш знакомый... кто-то из близких попал в эту переделку... случайно, полагаю... и теперь вы хотите выяснить – кто, почему, где этот человек... то есть, вы это уже выяснили, да?.. И хотите от меня, чтобы я или подтвердил ваши подозрения, или опроверг... так?

Я спросил не для того, чтобы получить ответ, но чтобы проследить за выражением его лица, за взглядом – он еще не был готов отрешиться от своих аналогий и заговорить нормальным человеческим языком, а в глазах ответ мог уже проявиться. Да, сказал его взгляд – так разговаривают с тяжело раненым, когда все лицо забинтовано, тело в гипсе, и лишь глаза живут, с глазами только и можно вести диалог: «Если да, моргните один раз, если нет – два».

Он моргнул один раз.

И сказал:

– Что за чушь вы городите, синьор Кампора?

Чушь. Конечно. Он так и должен был отреагировать. И я продолжал, не обращая внимания на его сопротивление:

– ...Это человек – тот, что пострадал во взрыве – женщина?

Да, – сказали его глаза.

– Нет, – произнес он вслух, взгляд его оставался серьезным, а губы раскрылись в странной иронической улыбке. – Конечно, нет.

– Замечательно, – сказал я, не зная, чему верить больше – взгляду или улыбке. – Значит, мужчина. Пошли дальше. Подозреваемый, тот, кого вы не хотите назвать, – женщина, верно? Человек, заказавший взрыв, я имею в виду.

– Да, – кивнул он, и взгляд подтвердил сказанное. – Женщина. Как вы догадались?

Ну вот, хотя бы в этом он со мной согласился.

– Неважно, – сказал я, улыбнувшись. – Если вы назовете ее имя, я смогу за ней пролистать, определить связи… этим, собственно, мы и занимаемся. Вас, насколько я понимаю, интересует мотив? И способ? Ну и, естественно, все доказательства причастности вашей… подозреваемой?

– Да, – сказал он со странным выражением в голосе, – интересуют.

– А если я докажу… такое тоже случается, поверьте… что ваша знакомая не имеет к происшествию никакого отношения?

– О, – сказал он, – это невозможно.

– Вы уверены?

– На все сто. Уравнения самосогласованы. Мне непонятен мотив. В начальных условиях нет такого параметра, и я не могу его…

– Хорошо. Но если…

– Вы все равно получите свой гонорар. Вам такой ответ нужен?

– Отлично. Сейчас мы вернемся в офис, подпишем стандартный договор, вы внесете аванс, и – за работу.

– Хорошо, – сказал он и встал.

– Погодите, – потянул я его за рукав, – еще кофе. Я никогда не ухожу отсюда, не выпив кофе, он здесь замечательный. Вы будете?

Синьор Лугетти опустился на стул и посмотрел на меня так, будто не только никогда в жизни не пил кофе, но даже не подозревал о существовании такого напитка.

– Кофе? – переспросил он, будто пробуя слово на вкус. – Да, пожалуй. Черный, без молока и сахара.

– А пока нам принесут, – сказал я, кивнув официанту и показав два пальца, – вы мне назовите имя подозреваемой.

Он поднял на меня все тот же взгляд человека, не очень понимающего, о чем его спрашивают, и готового лишь моргать: «да» или «нет».

– Нельзя ничего сделать, если я не буду знать…

– Я понимаю, – кивнул он. – Собственно… Проблема, видите ли, в том, что теоретически…

– Меня не интересуют ваши теории, – я отпил глоток из маленькой чашечки, которая уже стояла передо мной, источая терпкий аромат, – меня интересует только имя, все остальное я выясню сам.

– Так я и говорю, – синьор Лугетти тоже поднес ко рту свою чашку, но пить почему-то не стал, долго принюхивался, будто ему принесли не лучший кофе во всем Риме, а бурду из уличного автомата. Поставил чашку на стол, не сделав ни глотка, и повторил: – Я и говорю, что имя… Это процесс вероятностный, причем вероятности меняются в зависимости от граничных условий…

– Так вы можете назвать имя или нет? – сказал я нетерпеливо.

– Ну, хорошо… Люция Лугетти, в девичестве Синимберги.

– Ваша жена? – спросил я недоверчиво. – Вы обвиняете собственную жену?

Такое, конечно, тоже бывало в моей практике. Собственно, сплошь и рядом. Обманутые мужья для того и приходят в агентство, чтобы обвинить своих жен во всех смертных грехах,

начиная с главного, по их мнению, – греха прелюбодеяния. Но еще не было случая, чтобы муж заподозрил жену в совершении террористического акта, повлекшего (это очевидно) смерть людей. Возможно, многих.

– Обвиняю? – спросил Лугетти с искренним удивлением. – Нет! Обвинение – это... Подозрение... да. Подозреваю.

– Конечно, – согласился я, – я неточно выразился, извините. Я понял из ваших слов, что с синьорой Лючией вы не живете. Я имею в виду...

– Не живем, да. То есть, живем в разных местах, разъехались полгода назад, когда...

Он задумчиво посмотрел на свою чашку и все-таки отпил из нее – с таким видом, будто это был сок цикуты. Лучший в Риме кофе! Впрочем, уже не лучший, конечно, – остывший кофе это лишь мрачное напоминание о прошедшем и в данном случае не испытанном восхищении. Разъехались, да, понятно, полгода назад кто-то из них... судя по всему, это был не синьор Лугетти, его-то, похоже, кроме физики, ничего не интересует, и если он и дальше будет использовать сугубо физико-математические обозначения для бытовых процессов, работать с ним окажется мучительно... и интересно.

Банальная история, скорее всего: у жены появился любовник, синьор Вердано их застукал (непременно лично и непременно в постели – иначе ему и в голову не пришло бы устраивать скандалы, знаю я таких мужей, навидался), и синьора... как ее... Лючия собрала чемодан (опять же, сама, муж, скорее всего, даже просил ее оставаться... вернись, мол, я все прощу), да, собралась и ушла... сначала к подруге, а потом на другую квартиру.

Поскольку синьор Лугетти молча допивал свою холодную бурду, я продолжил вместо него:

– Разъехались вы полгода назад, когда ваша супруга, как вы полагаете, вам изменила.

Он поставил на стол пустую чашку и поднял на меня удивленный взгляд. Почему он все время чему-то удивлялся? У физиков это такое перманентное состояние? Наверно. Они же все время имеют дело с чем-то удивительным: новые законы природы, новые атомы, новые идеи...

– Послушайте, синьор Лугетти, – сказал я, – так мы будем долго ходить вокруг да около... Расскажите, наконец, что у вас произошло, в чем конкретно вы свою жену подозреваете, и мы решим, что я должен делать сначала, что потом, а чего не должен делать в принципе.

– Опять с самого начала? С Большого взрыва?

– Нет, – быстро сказал я. – С Большого взрыва не надо. Давайте конкретно. Полгода назад от вас ушла жена. Это соответствует истине?

– Соответствует, – кивнул он.

– Замечательно. То есть, я хотел сказать – этот момент мы уточнили. С тех пор вы живете отдельно. Видитесь?

– Бывает, – сказал синьор Лугетти то ли с сожалением, то ли, наоборот, со скрытым удовольствием, интонация была настолько неопределенной, что я не смог сделать никакого вывода и предпочел задать прямой вопрос:

– Вы сохранили сексуальные отношения?

– Нет. Просто время от времени встречаемся, обмениваемся информацией. Видите ли, синьор Кампора, мы с Лючией все еще любим друг друга, и это главная причина того, почему я подозреваю именно ее. Она на все способна. Да.

– У нее есть любовник? – спросил я довольно грубо, но должен же был я хоть что-нибудь понять в этой нелепой истории.

– Любовник? – с задумчивым видом переспросил синьор Лугетти и долго думал, прежде чем ответить. – Думаю, нет. Скорее всего. То есть, насколько я знаю Лючию, она могла в отместку... просто со злости... переспать с кем-нибудь, но потом жутко страдала бы и при встрече мне непременно об этом рассказала бы. Такое уже... Впрочем, это было давно. Думаю, рассказала бы. А может...

— Значит, не знаете, — констатировал я. — Ладно. О дальнейшем поговорим потом. Похоже, по вашим рассказам я не смогу составить даже четкого представления о собственном задании. При иных обстоятельствах я бы за такое дело не взялся, но... Хорошо. Дайте мне неделю. И новый адрес вашей супруги, естественно. Я прослежу за ней. Пойму, что там происходит. Что есть, чего нет, чего можно ждать. Составлю общее представление. Потом мы встретимся и решим, что делать дальше. Возможно, я за эту неделю и сам узнаю, что именно синьора Лючии замышляет и что уже успела натворить, если верить вашим словам. Но имейте в виду, если я обнаружу в действиях синьоры Лючии что-то криминальное, мне придется связаться с полицией. Это вы, надеюсь, понимаете?

— Конечно, — кивнул синьор Лугетти. — Это ваша обязанность. Если обнаружите. Хотел бы я только видеть ту полицию, которая... Ладно.

— Итак, — сказал я, — мы подписываем стандартный договор, вы платите мне задаток... думаю, миллиона лир будет достаточно. Я дам вам расписку, вы сообщите мне адрес синьоры Лючии, и в следующий раз мы встретимся через неделю. Я вам позвоню.

Я кивком подозвал официанта, положил на тарелочку со счетом несколько банкнот, не посмотрев на сумму, написанную на листке (я и так прекрасно знал, что тут сколько стоит, и сколько Антонио берет на чай), отмахнулся от попытки синьора Лугетти достать бумажник, встал и, подхватив клиента под руку, пошел к выходу.

Мне казалось тогда — более того, я даже был в этом уверен, — что правильно понял семейные проблемы синьора Лугетти и их символическую связь с его физическими теориями.

Мы вернулись в офис, и минут через пять официальная часть была успешно завершена — договор подписан, чек на миллион лир я положил в бумажник, расписка отправилась в карман пиджака Лугетти, нам осталось только рас прощаться и договориться о следующей встрече. Адрес синьоры Лугетти, написанный не очень разборчивым почерком на половине машинописного листа, я оставил лежать на столе.

— Я вам позвоню в следующий вторник, — сказал я, провожая клиента до двери кабинета, — надеюсь, что к тому времени все будет ясно.

— Я тоже на это надеюсь, — пробормотал он, вяло пожимая мою руку. — Иначе я уж и не знаю... Если это не Лючия... Тогда мне придется пересчитывать эмуляционные параметры, а это...

— О чем вы? — вежливо поинтересовался я, открывая перед синьором Лугетти дверь.

— Что? — переспросил он, возвращаясь из мира собственных мыслей. — Это же очевидно. Если не Лючия виновата в Большом взрыве, то придется вводить другие граничные условия...

— А, ну да, — кивнул я. — Большой взрыв, конечно. Я и забыл, что мы с этого начали. Всего вам хорошего, синьор Лугетти.

Он что-то пробормотал в ответ и медленно, так медленно, что мне захотелось шлепнуть его по руке, закрыл за собой дверь.

* * *

Я сам занялся делом Лугетти — обманул себя тем, что оба моих сотрудника вели в это время наружные наблюдения, и поручать кому-то из них еще и новое расследование было нерационально. Впрочем, будь это обычное дело, я спихнул бы его, скорее всего, на Капекки, он расторопнее, чем Джайотти, хотя, с другой стороны, Джайотти внимательнее к деталям. Но мне стало интересно самому, а я всегда брал себе только те дела, которые по каким-то причинам становились мне интересны, и не было жаль времени, потраченного на работу, которую могли бы сделать мои сотрудники.

Задача, собственно, состояла из двух, которые надо было решать одновременно. Первая: установить, в каком именно преступлении подозревал свою жену синьор Лугетти. Пока

я знал только, что по ее вине (так он считал – возможно, совершенно необоснованно) произошла серьезная трагедия – то ли взрыв в общественном месте, то ли дорожное происшествие, повлекшие за собой человеческие жертвы. Возможно, случилось нечто совсем иное, вызвавшее в удрученном мозгу синьора Лугетти очень странные aberrации, аллюзии и предположения. Значит, надо будет прощерстить сводки новостей и криминальной хроники полугодовой давности: скажем, с января по март. И вторая задача: выяснить, как живет сейчас синьора Лугетти, кто к ней приходит, к кому ходит она, как проводит свободное время. По этой части затруднений не предвиделось, здесь я чувствовал себя, как рыба в воде.

Начать, вообще говоря, следовало с проблемы номер один, но я начал со второй – просто потому, что дорога моя в мэрию пролегала по улице Кавура, где вот уже полгода, по словам клиента, проживала покинувшая его супруга. Впрочем, можно было и не лукавить с самим собой: дорогу через улицу Кавура я и выбрал по понятной причине, вполне мог проехать мимо Форума, так и короче было бы, и пробок меньше...

Дом семнадцать по улице Кавура оказался шестиэтажным особняком, построенным, судя по отсутствию архитектурных излишеств (коробка – и все), в первой половине прошлого века. Так называемый стиль «баухауз». Я вошел в сумрачный холл и направился в комнатку привратника, это оказался мужчина лет под пятьдесят, худой, как Сганарель, но с большой головой, взятой от другого персонажа. Лицо его было не таким уж широким на самом деле, но, по контрасту с худобой, казалось расплывшимся, как лужа воды на столе. Тип не то чтобы неприятный, но, во всяком случае, не вызывающий желания потолковать с ним по душам. Я, собственно, и не собирался.

– Вы к кому? – спросил он равнодушно, даже не подняв на меня взгляда, так что мне не удалось установить с ним зрительный контакт.

– Я слышал, здесь можно снять квартиру, – сказал я, демонстративно осматриваясь по сторонам. Смотреть было не на что – типичная обстановка многоквартирных меблированных домов, достаточно убогая, но в то же время претендующая если не на роскошь, то на усредненную респектабельность.

– Можно, – подтвердил Сганарель. – Вам срочно?

– Мне срочно, – сказал я. – Вы можете показать мне...

– Нет, – не дожидаясь, пока я закончу фразу, оборвал меня привратник, – это не входит в мои обязанности. Поговорите с управляющим.

– Где я его...

– Пройдите в коридор, первая дверь направо, – он, наконец, поднял на меня взгляд, чтобы оценить, как ему доложить обо мне, пока я буду пересекать прихожую и искать нужную дверь. Взгляд у Сганареля оказался, как и следовало ожидать, цепким и неприятным, как у камеры слежения в супермаркете.

– Его зовут...

– Синьор Эцио Чеккеле.

Я пошел, а Сганарель за моей спиной, естественно, поднял телефонную трубку и что-то пробубнил, я не прислушивался.

Каморка управляющего была такой маленькой, что сам синьор Чеккеле помещался в ней с трудом, а для гостя места почти не оставалось, мне пришлось встать в дверном проеме и говорить, придерживая дверь плечом, потому что она грозила захлопнуться, дав мне пинка под зад. Синьору Чеккеле было далеко за семьдесят, а может, и все девяносто. Он был так толст, что в маленькой комнатке выглядел запакованным в коробку арбузом. Сходство усиливал полосатый костюм, какие носили лет сорок назад. Может, этот костюм синьор Чеккеле купил себе на свадьбу, да так ни разу и не снял – даже чтобы отдать в стирку. Так мне показалось – то ли по запаху, то ли по потертостям на рукавах.

— Две комнаты? Три? — спросил он, не предлагая ни войти, ни, тем более, сесть на единственный стул, стоявший у единственного стола с компьютером, за которым в единственном кресле сидел арбуз Чеккеле, заполняя собой все пространство. Единственный сейф тоже присутствовал, но располагался, за неимением свободного пространства, в стене прямо над головой управляющего. Если бы дверца была открыта, то, встав, синьор Чеккеле непременно ударился бы макушкой и мог получить сотрясение мозга, а то и более серьезную рану.

— Меня устроит двухкомнатная квартира, — сказал я. — Хотелось бы с окнами на улицу, конечно.

Синьор Чеккеле хмыкнул, повозил по столу своими короткими ручками, показал мне свою блестящую лысину в венчике белых, как снег, волос, и сказал:

— Садитесь.

Боком протиснувшись между стулом и с грохотом захлопнувшейся дверью, я сел, и мы с синьором Чеккеле оказались вдвоем в межпланетном корабле, стартовавшем на далекую орбиту — впечатление было именно таким, человек, подверженный клаустрофобии, не выдержал бы здесь и трех секунд.

— Синьор Чеккеле, — произнес я со всей искренностью, на какую был способен, — скажу вам честно... мы ведь говорим откровенно, да?..

Управляющий неопределенно пожал местом, которое у человека с нормальным сложением называлось бы плечами.

— Ну... да, — сказал он и едва заметно усмехнулся. По-моему, он уже понял, что я скажу, и я не стал его разочаровывать — если он считает, что за свои семьдесят пять или девяносто хорошо узнал человеческую природу, пусть пребывает в этом мнении и дальше.

— Так вот, — продолжал я, — в вашем доме несколько месяцев назад поселилась моя... гм... знакомая. И я хотел бы... Ну, вы понимаете...

Он то ли кивнул, то ли отрицательно покачал головой — можно было, конечно, разобраться, если проанализировать его конвульсивное движение, но у меня не было времени этим заниматься, и я продолжил:

— Так я хотел бы...

— В какой квартире живет ваша знакомая? — спросил синьор Чеккеле, все понимавший и готовый помочь.

— В том-то и дело, что я не знаю, — сказал я с огорчением. — Ее имя Лючия Лугетти... то есть... возможно, она зарегистрировалась у вас под другой фамилией...

— Лугетти... — пробормотал синьор Чеккеле. — Третий этаж, восьмая квартира, свободна сейчас одиннадцатая, это поблизости, по коридору, если вас устроит, только имейте в виду, синьор, никаких скандалов, здесь тихий и благопристойный пансион, и если вы хотите выяснить свои отношения с синьорой, то для этого выберите другое место, а у нас, предупреждаю, все должно быть тихо и благопристойно, вы меня понимаете?

Он произнес эту длинную фразу на одном дыхании, причем, как мне показалось, дыхания у него осталось еще на одну-две таких фразы — я-то думал, что у бедняги одышка, в его-то возрасте...

— Вы меня понимаете? — переспросил синьор Чеккеле, так и не переведя дыхания.

— Конечно! — воскликнул я. — Я прекрасно вас понимаю! Одиннадцатая квартира меня устроит. Могу я заплатить за месяц вперед?

— Можете, — синьор Чеккеле указательным пальцем нажал клавишу, и откуда снизу, из-под стола, послышалось тихое шипение, будто кобра поднялась, чтобы исполнить ритуальный танец. Управляющий опустил руку и вытащил отпечатанный лист — стандартный, должно быть, бланк договора, куда ручкой вписал мое имя и потребовал паспорт. Я протянул ему тот, что использовал для работы в определенных обстоятельствах.

— Можете заплатить за месяц, — сказал синьор Чеккеле, — но лучше за три. Вы ведь сказали, что…

— Нет проблем, — кивнул я и протянул одну из своих кредитных карт — естественно, на имя, записанное в деловом паспорте.

Через минуту я вышел в коридор с договором в кармане, ключом от квартиры в руке и странной мыслью в голове. Мысль была простая: синьор Чеккеле обвел меня вокруг пальца или я его?

Неважно.

Квартира оказалась, как я и ожидал, достаточно мерзкой, чтобы не задерживаться в ней дольше, чем того потребуют обстоятельства, и достаточно хорошо обставленной, чтобы, сильно устав, провести здесь пару часов в тишине. Можно было и женщину привести, об этом тоже следовало подумать.

Я умылся и минут пять спустя вышел в коридор. Восьмая квартира находилась через две двери от моей. Нормально. Я запер свои временные апартаменты, спустился в прихожую, кивнул Сганарелю — поеду, мол, за багажом, — и, покинув это смиренное место, устроился на скамейке в расположенному напротив скверике, предварительно позвонив в офис из таксофона на углу. Услышал от Сильвии, что все в порядке, сказал, что сегодня, а возможно, и завтра не появлюсь, попросил прислать мне по такому-то адресу мой баул, который я обычно беру с собой, когда приходится отлучаться на относительно долгий срок, услышал ворчание Сильвии по поводу того, что опять ей приходится выполнять роль диспетчера, а это не входит в ее прямые обязанности, и повесил трубку, потому что из двери вышла женщина, в которой я узнал по фотографии жену своего клиента.

Синьор Лугетти все-таки психически неуравновешен, если мог заподозрить такую женщину… Мысль, конечно, нелепая — заподозрить можно кого угодно и в чем угодно, тем не менее, такой была первая мысль. Нежное создание, казалось, не шло по улице, а парило над тротуаром, перебирая ногами исключительно для того, чтобы окружающие не подумали, что эта женщина умеет левитировать.

Я не собирался весь остаток дня посвящать наблюдению за синьорой Лугетти. У меня еще будет время выяснить ее связи и контакты, сейчас я лишь хотел составить общее впечатление… и составил, конечно: умная женщина, знающая себе цену, способная быстро принимать неординарные решения (я видел, как она переходила улицу… это что-то). Внешность, как ни странно, не столько привлекала, сколько отпугивала мужчин — я видел, как начал было заигрывать с ней и как быстро увял молодой красавец в кафе, за чей столик он подсела, чтобы выпить чашечку.

На площади Кондотьера синьора Лугетти села в такси, отправившись куда-то по своим делам, а я, уложив первые впечатления в памяти, занялся более на тот момент полезным делом — отправился, наконец, в мэрию, где разыскал давнего своего знакомого Карлита, с которым мы когда-то… эх, да что вспоминать юные годы, которые прошли безвозвратно… Карлito работал сейчас в отделе регистраций и поставлял мне сведения, разумеется, вполне легально, он терпеть не мог тайн и заговоров, и, разумеется, за определенную плату, поскольку дружба дружбой, воспоминания воспоминаниями, а семья, которую нужно кормить, превыше всего. Думаю, что о моих вопросах Карлito докладывал если не начальству, которому до меня не было никакого дела, то какому-нибудь клерку в корпусе карабинеров, вводившему в мое досье и мои вопросы, и сведения Карлito — когда-нибудь, если властям почему-то захочется устроить мне неприятности, дело это будет легко найдено, а все спрошенное обращено против меня. Хотя, вообще-то, повторяю, никаких тайн я никогда у Карлito не выведывал, для этого у меня были иные каналы.

О цене мы договорились быстро, цена была стандартной, вопрос тоже прост, и два листа, на которых уместились все необходимые сведения, я получил через минуту после того, как

Карлito рассказал мне, что его младшая дочь заболела и не пошла в школу, старшая вечером собирается с парнем на дискотеку, а жена ждет его к шести, потому что вечером им предстоит идти в гости к теще, а это такая радость, такая радость, ты же себе представляешь, Джузеппе!

Вообразить себе я это мог, конечно, но достаточно абстрактно – никогда не был женат (полугодовой брак с Кармелой не в счет – к тому же, у нее не было родственников в Риме, и мы ни разу не пошли с ней в гости не только к отсутствовавшей теще, но вообще ни к кому, потому что Кармелла предпочитала сидеть дома и смотреть телевизор) и не собирался, во всяком случае, в ближайшие годы.

Итак, Лючия Лугетти, в девичестве Синимберги, родилась в 1976 году после Потопа, точная дата неизвестна – девочку нашли на пороге больницы Бенедикта, ей был тогда месяц от роду, может, чуть больше. Приемные родители – Бруно Синимберги и Марчелла Байстрокки. Бруно – фотограф, имел фотоателье в квартале Бургати, умер в прошлом году (инфаркт миокарда). Мать пошла работать только после смерти мужа, сейчас живет где-то в Пьемонте. Лючия… школа номер… Римский университет… общая филология… в работах мужа, скорее всего, ничего не понимает… Это не было написано в документе, но со всей очевидностью из него следовало – что может понимать в космологии филолог, пусть и с дипломом лучшего вуза Италии? Ровно столько же, сколько бывший полицейский.

Если так… Нет, предположения и выводы – потом.

14 февраля 1998 года зарегистрирован брак с Вериано Лугетти…

Ничего интересного. Выйдя семь лет назад замуж за моего клиента, Лючия вела благопристойный образ жизни, работала в институте филологии, детей, правда, у супругов не было, но это не повод для подозрений, у многих моих знакомых нет детей, не потому, что они противники патриархальной итальянской семьи, просто обстоятельства сейчас такие, что женщины предпочитают рожать первого ребенка не в девятнадцать, как сто лет назад, а в тридцать, а то и в тридцать пять. Если Лючия Лугетти и была замешана в чем-то предосудительном, то ни в файлах мэрии, ни в полицейских досье это не отразилось. Значит…

Хорошо. С точки зрения закона Лючия чиста. Но полгода назад она ушла от мужа и сняла квартиру в не очень, мягко говоря, престижном районе – почему?

Вернувшись на улицу Кавура, я обнаружил Станареля дремлющим в своем закутке и поднялся к себе, предполагая устроить наблюдательный пункт у окна. Подумал, что надо бы и едой запастись, иначе придется вечером спуститься в кафе напротив, а в это время… Неважно. Возвращение Лючии я увижу и оттуда.

Долго ждать, однако, не пришлось: из-за угла появилась ее воздушно-хрупкая фигурка и полетела по воздуху (таким было впечатление) мимо парикмахерской, магазина игрушек, перешла дорогу, не посмотрев ни направо, ни налево, и вошла в дом. Я приоткрыл дверь и стал наблюдать за коридором. Синьора Лючия поднялась не по главной, а по боковой лестнице и прошла мимо моей квартиры; на этот раз впечатления воздушности и полета почему-то не возникло: нормального сложения женщина, и вблизи черты ее лица не произвели на меня особого впечатления, обычное женское лицо. Синьора Лючия достала из сумочки ключ и вставила в замочную скважину, я вышел в коридор и воскликнул:

– Прошу прощения!

Она вздрогнула (я бы тоже вздрогнул, если бы меня вдруг окликнули) и, удивленно посмотрев на меня, спросила низким голосом – это была скорее Амнерис, но уж точно не Джильда:

– Да, синьор?

– Прошу прощения, – повторил я, подойдя ровно на такое расстояние, чтобы мою попытку завязать разговор не сочли чересчур навязчивой. – Вы здесь живете, верно? Я только что поселился и не спросил у этого старика, который похож на Станареля, запирают ли здесь входную дверь на ночь, мне приходится возвращаться довольно поздно, и не хотелось бы…

Она улыбнулась – очень милая оказалась улыбка, так улыбаются девушки в дорогих магазинах, отвечая на вопросы покупателей.

– Сганарель… – сказала она. – Это верно, старый Чокки действительно похож… Двери… Наверно, запирают, я не знаю точно, я-то ложусь рано, так что…

Она пожала плечами и отвернулась, считая, видимо, разговор законченным.

– Чокки, – повторил я, приблизившись еще на шаг, – значит, его зовут Чокки, я не спросил. Странное имя, так звали героя фантастической повести, автор был англичанином… как я помню.

Синьора Лючия все-таки сначала открыла дверь и лишь после этого посмотрела в мою сторону, отметив, конечно, что я еще на шаг сократил расстояние.

– Вы читали Уиндома?

Она спросила это, как кто-нибудь другой спросил бы: «Вы верите в полтергейст?»

– Мой любимый автор, – погрешив против истины, сообщил я.

Синьора Лючия спрятала ключ в сумочку и, положив ладонь на ручку двери, сказала:

– Мне больше нравился Воннегут.

– Почему-то, – кивнул я, – женщины обычно предпочитают Воннегута.

Она подумала пару секунд, решала, наверно, стоит ли продолжать разговор или лучше все-таки укрыться за дверью.

– Это естественно, – сказала она. – Воннегут социален, а Уиндом скорее научен.

Странный это был разговор, если бы кто-то слышал его со стороны. Двое незнакомых людей в коридоре дешевого многоквартирного дома, впервые увидев друг друга…

– Ну, нет! – воскликнул я, приблизившись еще на шаг. – Это Уиндом научен? «День триффидов»? Или «Кукушки…»

Тут я запнулся, потому что мои познания закончились – я решительно не мог вспомнить, где жили эти «кукушки», в каком-то английском городке, да, но как он назывался?

– «Кукушки Мейдвича», – подсказала синьора Лугетти. – Наука, конечно. Проблема взаимодействия цивилизаций.

Я не стал спорить – роман этот я читал даже в более раннем возрасте, чем «Чокки», даже название помнил не полностью. Нужно было или срочно искать другую тему, или…

– Вы, должно быть, писатель? – спросила синьора Лючия, все-таки распахнув дверь и уже переступив через порог. Означало ли это, что она приглашает меня войти следом, или, напротив, дает понять: хватит, поговорили, оставьте меня в покое?

– Писатель? – искренне удивился я.

Если бы я сказал «да», то пришлось бы играть роль, к которой я готов не был – среди множества моих отрепетированных личностей не было личности писателя.

– Нет, синьорина, я не…

– Синьора.

– О, простите. Нет, я не писатель, хотя, бывает, сожалею, что не стал…

– Пробовали писать?

Видимо, в ней проснулся профессиональный интерес, она все еще стояла на пороге, но уже не в коридоре, а в комнате, и теперь от моего ответа зависело: захлопнется передо мной дверь, или меня впустят внутрь.

– Кто не пробует в двадцать лет? – я неопределенно повел головой. – Ерунда, конечно. Нет, синьора, я стал психологом, это близко к писательскому ремеслу, но все же несколько иная профессия.

Психолога я из себя изображал уже раза три или четыре – правда, недолго.

– Кстати, если вы любите кофе, то у меня есть настоящий бразильский, – сказала синьора Лючия, на меня она вроде и не смотрела, а куда-то в сторону лифта, но я понимал, что краем

глаза она меня сейчас внимательно изучает, пытаясь для себя решить, кто я такой и чего от нее хочу, ведь наверняка хочу чего-то?

Я помедлил пару секунд, хотя «да» хотело сорваться с моих губ даже раньше, чем она закончила фразу.

– Бразильский, – сказал я задумчиво, – это... Кстати, меня зовут Джузеппе Кампора.

Я обычно называю свое настоящее имя, если, конечно, нет особых причин его скрывать.

– А я Лючия Синимберги, – сообщила синьора Лугетти, войдя, наконец, в квартиру и жестом приглашая меня последовать за ней.

Квартира как квартира – моя не лучше и не хуже. Уюта, конечно, значительно больше, чем в моем холостяцком жилище – не здесь, понятно, а на улице Мастрояни, где я жил последние десять лет. Я сел на софу у журнального столика, и пока синьора Лугетти, предпочитавшая называть себя девичьей фамилией, готовила на кухне кофе, внимательно огляделся, пытаясь разобраться в том, что она за человек, каковы ее привычки, что она предпочитает в жизни.

– Итак, – сказала синьора Лючия, поставив на журнальный столик две огромные чашки с черным кофе, сахарницу с коричневым сахаром, лимон на блюдечке, нарезанный тонкими ломтиками, и тарелочку с маленьенькими и с виду очень аппетитными кексами. Поднос, на котором она все это принесла, синьора Лючия положила на пол, а сама села на пуфик, издавший недовольный фыркающий звук, – итак, вы только что переселились и решили познакомиться с соседями?

Я кивнул. В принципе, правильный вывод, если не считать, что до других соседей мне не было никакого дела.

Синьора Лючия положила в свою чашку три ложечки сахара, дольку лимона, потом, подумав, добавила еще ложечку и принялась размешивать так медленно, будто это был не кофе, а тягучий напиток – горячий шоколад, например.

– Знаете, – сказал я, отхлебнув из чашки (кофе оказался изумительным, и я взглядом показал свое восхищение), – у меня сложилось впечатление... чисто психологически, может, я ошибаюсь... что в этом доме собрались неудачники... ну, кто-то ушел от жены, например... у кого-то нет денег на более пристойное жилье... кому-то вообще плевать на жизненные удобства, лишь бы была крыша над головой... я с трудом представляю, чтобы человек успешный решил снять квартиру именно здесь...

– Вы считаете себя неудачником? – мягко спросила синьора Лючия, положив ногу на ногу, и я смущенно отвел взгляд.

– Я? В какой-то степени. Не то чтобы у меня не было средств снять жилье на бульваре Кампания... но там... не знаю, как это объяснить... я бы чувствовал себя не в своей тарелке, если вы понимаете, что я хочу сказать.

– Может, и понимаю, – протянула синьора Лючия, а я быстро добавил:

– Я работаю с детьми. Детская психология вроде бы сейчас популярна, но на самом деле власти относятся к нам, детским психологам, как к обслужке.

И я произнес проникновенную речь о бедах нынешней детской психологии – на прошлой неделе прочитал об этом большую статью в «Републике», да и раньше читал кое-что в популярных журналах. Синьора Лючия кивала, пила кофе, покачивала ногой, от которой я старательно, чтобы она это видела, отводил взгляд.

Выслушав меня, она помолчала и, как я и ожидал, начала рассказывать о себе, тут я сосредоточился, потому что из ее рассказа нужно было извлечь, как косточку из абрикоса, правдивую часть, оставив без внимания кожицу и аппетитную, но не пригодную для анализа мякоть. Из рассказа получалось, что в жизни синьоры Синимебриги раньше было много проблем, о которых ей говорить не хотелось, а сейчас, напротив, все оказалось в полном порядке: любимая работа в институте филологии, любимые спектакли по вечерам, и квартира эта ей нравится, она небольшая, а цена не имеет значения – много или мало, лишь бы было удобно и

близко от работы, и она не согласна с тем, что живут здесь одни неудачники, она знает нескольких преуспевающих бизнесменов, живущих в этом доме, кстати, квартиры на первых двух этажах гораздо дороже этих, там очень хорошие апартаменты, да и вообще место удобное.

Говорила она медленно, не то чтобы подбирая слова, она об этом не думала, я видел, думала она вообще о чем-то своем, просто привыкла говорить именно так: растягивая фразы, будто была не итальянкой, а шведкой. Я послушал-послушал и прервал ее монолог коротким вопросом:

– Вы замужем?

И тут же добавил:

– Извините, что спрашиваю. Не отвечайте, если вопрос вам неприятен...

– Я замужем, – сказала синьора Лючия. – А вы, как я понимаю, холостяк?

Я кивнул, и синьора Лючия едва заметно улыбнулась:

– Холостяка легко определить по...

Она не стала продолжать, надеясь, возможно, что я спрошу, по каким признакам женщины отличают женатого мужчину от холостого, но я сказал нечто совсем иное, будто лишь сейчас пришедшее мне в голову:

– У меня же есть прекрасный французский «кагор»! Вы не против? Я знаю – женщины любят сладкие вина, а этот сорт... Я принесу бутылку, если вы...

Что-то промелькнуло в ее глазах, или мне показалось?

– Не сейчас, – с сожалением сказала она. – Это прекрасное вино, но мне нужно... Вы понимаете...

Я кивнул. Конечно, что тут было непонятного.

Я поднялся, всем видом изображая сожаление от того, что приходится так неожиданно прервать приятно начавшуюся беседу. На дне чашки осталось немного кофе.

– Если мы соседи, – сказала синьора Лугетти, протягивая мне руку, возможно, для пожатия, но я поступил, как англиканец, и (это не понравилось бы моему клиенту) поцеловал ее теплую податливую ладонь. – Если мы соседи, – повторила она, потому что поцелуй, которого она, видимо, все-таки не ожидала, прервал начатую фразу, – то еще увидимся, так что ваше вино не останется не расprobованным.

Изыщная фраза.

– Я живу в одиннадцатой квартире, – сообщил я, – и если вы освободитесь...

– Не сегодня, – покачала головой синьора Лючия. – Может, завтра... Вот что: позвоните мне завтра ближе к вечеру, и мы, возможно, что-то придумаем.

– Номер телефона...

– Спросите у Чокки, у него есть список.

– Действительно, – пробормотал я и секунду спустя оказался в коридоре перед закрытой дверью восьмой квартиры в состоянии душевного ступора, поскольку у меня сложилось стойкое ощущение того, будто это не я пытался в коротком разговоре понять, что из себя представляет жена моего клиента, подозреваемая им в «самом страшном преступлении против человечества», а именно она в течение нескольких минут препарировала меня, как кролика или подопытную мышку, и я бы не удивился, если при следующей встрече (завтра, конечно, завтра, в этом у меня не было никаких сомнений) синьора Лючия заявила бы, улыбаясь тонкими губами, едва тронутыми светлой помадой: «Синьор Кампора, мой муж не мог сделать ничего глупее, чем нанять вас, вы со мной согласны?»

Если синьора Лючия кого-то действительно ждала (в чем я почему-то сильно сомневался), я хотел бы видеть этого человека. Я прошел к себе и оставил дверь слегка приоткрытой, но толку от этого было немного: при желании я мог видеть коридор до самой лестницы – но в сторону, противоположную квартире синьоры Лугетти, лифт тоже располагался в противоположном конце коридора, и если гость воспользуется лифтом, я не смогу его увидеть.

Он действительно приехал в лифте – во всяком случае, в течение четверти часа по лестнице не поднялся никто, а дверцы лифта открывались четыре раза, и шаги по коридору тоже четырежды прерывали шероховатую тишину (шероховатость я ощущал физически – как щелчок чьей-то двери, скрип половицы, отдаленный разговор).

Наконец, после короткого стука в невидимую для меня дверь послышался голос синьоры Люции и чей-то низкий голос в ответ, я выглянул и успел увидеть только, как закрывалась дверь.

Мужчина. Любовник? Возможно, я соберу достаточно материала для начала бракоразводного процесса, но ведь не этого ожидал от меня обманутый во всех смыслах клиент. Ему не развестись нужно было с синьорой Лючией, а понять, почему она...

Почему она устроила Большой взрыв, результатом которого стало образование галактик, звезд, планет, полевых мышей и людей, в том числе синьора Лугетти и меня, понимающего во всем этом не больше, чем в теореме Ферма, о которой я слышал только, что ее три века пытались доказать лучшие умы человечества, а года два назад какой-то математик заработал на таком доказательстве то ли миллион, то ли престижную премию.

Интересно, понимает ли синьор Лугетти, что, обвиняя жену в убийстве Вселенной (хм...), он должен быть ей все-таки благодарен, поскольку, не будь этого ужасного преступления (допустим, допустим...), то не было бы ни синьоры Люции, это преступление совершившей, ни самого синьора Лугетти, в этом преступлении ее обвинившего, и где тут плюс, а где минус...

Ладно. Это все, конечно, метафора. Но при случае надо будет указать клиенту на логическое противоречие, и пусть он проявит смекалку, объясняя необъяснимое. Как-то я читал о том, почему невозможно построить машину времени: очень просто – путешественник мог бы отправиться в прошлое и убить свою бабушку, но тогда у бабушки не родилась бы дочь, которая, соответственно, не родила бы нашего путешественника, и кто бы тогда отправился в прошлое, чтобы убить бабушку, но если бы бабушка осталась жива, то... В общем, сказка про белого бычка. Если, конечно, считать путешественника полным идиотом, способным сделать то, что могло его самого лишить возможности сделать то, что он по каким-то нелепым причинам собирался сделать.

Мужчина пробыл в квартире синьоры Люции час и сорок три минуты. Когда он вышел, я как раз поднимался по лестнице со второго этажа, и моя голова только-только появилась над уровнем пола, так что я видел гостя в необычном ракурсе. Видимо, поэтому мне показалось, что человек... нет, этого не могло быть... но в памяти я зафиксировал: он точно не выходил из двери, дверь была закрыта, закрытой и осталась. Он появился из стены: руки, потом голова, тело, одна нога, вторая...

Я успел его рассмотреть, пока он шел к лифту. Это был седой мужчина выше среднего роста, широкоплечий, с военной выпрямкой, одетый в синий костюм. Со спины трудно было судить о чем-то еще, но мне показалось (я не мог бы утверждать), что ему было скорее лет около сорока, несмотря на седину.

Пока гость синьоры Люции дожидался лифта, я успел спуститься в прихожую по лестнице. Сганарель куда-то ушел из своего закутка, и я встал так, чтобы видеть каждого, выходившего из лифта, сам же оставался не невидимым, конечно, но и внимания на меня никто бы не обратил, если бы не стал специально искать за выступом стены. Нормально.

Лифт приехал, дверь открылась, в прихожую вышел низенький, я бы даже сказал – плюгавый, мужчина лет пятидесяти с абсолютно неприметной внешностью и прилизанными черными волосами. На нем был дорогой тренировочный костюм, и, похоже, собрался он в магазинчик на углу, чтобы купить себе выпивку на вечер – таким, во всяком случае, было у него выражение лица.

Не он.

Ладно. Видимо, гость синьоры Лючии вышел по какой-то причине на втором этаже – может, решил пройтись пешком, а, может, у него и там была какая-то встреча. Да, но если так, то отправиться он мог и на один из верхних этажей – с четвертого по шестой, почему я решил, что, войдя в лифт, он непременно поехал вниз, а не вверх?

Возможно. По лестнице, во всяком случае, никто не спустился, двери лифта закрылись, и кабинка поехала вверх. Может, сейчас этот тип и появится. А может, нет. Я уже начал сомневаться – не сделал ли я глупость, поторопившись встретить незнакомца в прихожей?

Из коридора, который вел к кабинету синьора Чеккеle, появился Сганарель, в одной руке он нес бутылку, в другой держал за ножку высокую рюмку – скажите, какой аристократ, не может пить вино из стакана. Впрочем, конечно: это было дорогое «Кьянти», четверть миллиона лир бутылка, и если Сганарель может себе позволить во время работы…

– Вам что-то нужно, синьор Кампора? – любезно спросил он меня, усаживаясь на свое место. – Вы хорошо устроились? Есть жалобы?

– Нет, – улыбнулся я. – Все нормально, синьор…

– Бертини, – сказал Сганарель-Чокки. – Фернандо Бертини к вашим услугам. Кстати, если хотите знать, меня называли столь благозвучным именем в честь героя оперы Вивальди. Вы знаете, что великий маэстро сочинил не только популярную пьесу «День, вечер, ночь, утро», но и множество другой великолепной музыки, в том числе Гloria, которую я обожаю, и несколько опер, в числе которых «Неистовый Фернандо»…

– Написанный в тысяча шестьсот восемьдесят третьем году, – подхватил я, и брови синьора Бертини поползли вверх. Правильно все-таки поступили мои приемные родители, отдав меня в музыкальную школу в том возрасте, когда я еще не мог сам принимать решения. Проучившись семь лет, я школу, конечно же, бросил и перешел в нормальную, где не заставляли играть на пианино, петь в хоре и учить пьесы, от которых у меня раскалывалась голова. В обычной школе были свои заморочки, и аттестат я получил с некоторым трудом. Но кое-что я до сих пор помнил, хотя в опере был всего дважды в жизни – оба раза почему-то на «Аиде».

– Вы любитель великого Вивальди? – синьор Бертини не мог сдержать изумления. Видимо, знатоки Вивальди не часто появлялись в этом доме. Я сделал неопределенный жест и спросил:

– Синьор в синем костюме, седой такой, лет сорока… он еще не спустился?

Если бы не мои музыкальные познания, вряд ли я дождался бы от Сганареля вразумительного ответа – скорее всего, удостоился бы подозрительного взгляда и вопроса, за каким фигом мне нужно это знать, – но тот факт, что мне была известна дата сочинения оперы «Фернандо», поверг, должно быть, синьора Бертини в такое изумление, что ответил он, не задумываясь:

– Вы имеете в виду синьора Балцано? Вы с ним знакомы?

Вопрос был задан без всякого подвоха, но отвечать нужно было, тоже не задумываясь, и я сказал:

– Нет, он мне встретился в коридоре, и я подумал… Мне показалось, что он очень похож на старого друга моего отца, синьора Джиральдона, я хотел его об этом спросить, но он как раз садился в лифт, и я поспешил…

– Понимаю, – кивнул Сганарель. – Вы обознались, должно быть.

– Судя по фамилии, да, – сказал я с грустью. – Жаль. Отец умер год назад, и я хотел… Неважно. Синьор… как вы сказали… Бенцелли… тоже здесь живет?

– Балцано, – покачал головой Сганарель, – он… гм… приходит в гости.

Я не стал продолжать разговор, чтобы вопросы не показались подозрительными. Подозрительно было уже то, что синьор Балцано так и не появился. Возможно, действительно поднялся на один из верхних этажей. Возможно, вернулся к синьоре Лугетти – может, забыл что-то, а может, они так специально договаривались.

А вошел, как и вышел, – сквозь стену?

Глупости.

Кивнув Станарелю, я вышел на улицу. Странное поведение синьора Балцано меня озадачило; к тому же, фамилия показалась мне знакомой, хотя я и не мог вспомнить, где и когда ее слышал.

В кафе напротив я просидел полтора часа – пока из дверей дома не появилась синьора Лугетти, одна, она куда-то торопилась и быстро пошла по тротуару в сторону площади Кардано. Женщина была так занята своими мыслями, что не заметила, как я пристроился следом и проводил ее до улицы Галилео, где она села на автобус номер 16, шедший в сторону терм Каракаллы. Мои последующие действия были вполне автоматическими, я уже сотни раз этим занимался, так что и описывать не стану – скучно. Результат: синьора Лугетти посетила в тот вечер свою подругу по имени Антониетта Стелла, провели они вдвоем полтора часа, а потом она возвратилась домой – если квартиру на улице Кавура можно было считать домом для кого бы то ни было.

Странный синьор Балцано больше не появился, хотя ручаться в этом я, конечно, не мог – провел у своей двери около четырех часов, но не всю ночь. Я отправился спать, недовольный началом расследования – что-то я упустил (кроме синьора Балцано), так мне говорила интуиция, которая в половине случаев оказывалась права и только в другой половине ошибалась. Можно сказать, что половина – не такое количество, чтобы доверять интуиции: это все равно, что бросать монетку и делать выводы в соответствии с тем, выпадет орел или решка. Конечно. Не стану спорить. Но вот в половине случаев…

Что-то я упустил – что-то очень важное. И никакая теория вероятностей не могла убедить меня в обратном.

* * *

Весь следующий день синьора Лугетти посвятила своим научным изысканиям. Я проводил ее до Школы искусств, где она заняла столик в библиотеке, уткнулась в экран компьютера и просидела почти без движения два часа, что-то читала, что-то писала, искала что-то в Интернете, это я мог видеть со своего места, но для того, чтобы разглядеть подробности, мне понадобился бы бинокль, и как бы я выглядел с биноклем в руках в этом респектабельном заведении? Возможно – почти наверняка – она получала и писала письма, и хотел бы я знать имена и адреса отправителей.

Через два часа синьора Лючия отправилась перекусить в кафе, где ее узнали и пригласили за свой столик две немолодые женщины – похоже, преподаватели этого учебного заведения, – и они весело провели время за кофе, не взяv ничего, что могло бы, возможно, повредить фигуре. На мой взгляд, фигурам двух собеседниц синьоры Лугетти не могло повредить уже ничего, но женщины, видимо, думали иначе.

Просидев еще два часа в библиотеке, синьора Лючия поехала в автобусе домой, и я случайно столкнулся с ней, когда она выходила из лифта на нашем третьем этаже – я ожидал лифт, чтобы… Ну, скажем так: просто ожидал лифт.

– Добрый день, синьора Синимберги, – вежливо сказал я, слегка (только слегка!) удивившись неожиданной встрече.

– Синьор Кампора! – искренне (в этом не было никаких сомнений) обрадовалась она. – Вы уходите?

– Ну… – протянул я. – Хочу сделать кое-какие покупки, а потом… Я собирался вам позвонить. Вы сказали вчера…

– Я помню, – она улыбнулась странной улыбкой, которая то ли обещала что-то несбыточное, то ли, наоборот, сообщала, что ничего от синьоры Синимберги ожидать не следует. – Позвоните мне через час, когда вернетесь с покупками…

Она оставила меня перед дверью лифта и скрылась в своей квартире, запершись изнутри на ключ. Я спустился на второй этаж, поднялся по боковой лестнице на третий и тихо прошел к себе, увидеть это синьора Лугетти не могла, а услышать – тем более. Я не думал, что она стала бы следить за моими перемещениями, но… так мне было спокойнее.

Я позвонил ей через час.

Поужинать со мной синьора Лючия не согласилась, но выпить бокал вина…

– В половине восьмого, хорошо, синьор… Кампора?

– Как будет угодно синьоре, – согласился я.

Остаток дня я потратил, приводя свое временное жилище в такое состояние, чтобы о нем можно было говорить не только как о складе старой и бесполезной мебели. Наконец, в семь тридцать девять, с опозданием всего на девять минут, синьора Лугетти позвонила и сообщила, что будет очень скоро, минут через десять. Пришла она в начале девятого, беглым женским взглядом огляделась, села на короткий диванчик у журнального столика и сказала:

– Где же ваше прославленное вино?

Выпив, мы незаметно перешли на ты, пару минут мне даже казалось, что синьора Лугетти расслабилась настолько, что готова оказаться уже сегодня в моей постели, но это было совершенно неправильное заключение, сбой интуиции – во всяком случае, два часа беседы ни о чем и старательное умение синьоры Лугетти обходить любые вопросы, отвечать на которые у нее не было желания, убедили меня… нет, не в том, что Лючия была достойным соперником… она вовсе не стремилась меня в чем-то переиграть… эти два часа скорее убедили меня в том, что если у нее и есть какие-то скелеты в шкафу, то она сама старается о них забыть, затолкать подальше и не вспоминать до конца жизни.

В десять она встала, прервав на середине свой же рассказ о студенте, забывшем после экзамена в столе плеер с полным курсом античной литературы, и сказала:

– Устала… Спасибо за приятный вечер, Джузеппе. Спокойной ночи.

И ушла, не сделав никакого намека на возможность еще одной встречи, я едва успел проводить ее до двери и спросить, могу ли завтра позвонить, чтобы…

Ответа я не дождался. Синьора Лугетти быстро прошла по коридору в свой номер и заперлась изнутри.

А я достал ноутбук и привел в порядок все услышанное, потому что, хотя разговор наш был по видимости совершенно сумбурным, но определенные выводы я, конечно, сделал.

Итак. Во-первых, в недавнем прошлом Лючия пережила сильнейшее потрясение, которое круто изменило ее жизнь. Похоже, что именно это потрясение, о сути которого я пока ничего не знал, заставило ее уйти от бедняги Верiano. Во-вторых, если и были в более глубоком прошлом Лючии криминальные события, то в ее памяти они следа не оставили – иначе я сумел бы что-то почувствовать, не намек даже, вряд ли она стала бы намекать на нечто ее компрометирующее, но о таких вещах я уже научился судить по интонации, с какой человек рассказывает о тех или иных фактах своей жизни, по взгляду, по движениям рук, а руки у Лючии были очень разговорчивыми, она не умела или не хотела следить за своими жестами, и я достаточно быстро стал понимать, когда она говорит правду, когда лукавит, а когда откровенно лжет по совершенно пока для меня непонятной причине.

Я узнал, что с Верiano Лючия познакомилась в университете, они раньше работали в одном корпусе, это потом она перешла в институт филологии. О, у них была великая любовь, но, как всякая великая любовь, отношения не могли долго продержаться на очень высоком уровне душевного безумия. Да, настоящая любовь – это безумие, болезнь, которая не лечится лекарствами, но зато прекрасно и довольно быстро излечивается самой жизнью, у которой для

этого есть множество уловок. Какую из своих уловок жизнь припасла для Лючии и Вериано, я пока не знал, но понимал уже, что черная кошка, пока для меня безымянная, пробежала меж ними около года назад. Рассказывая именно о том времени, синьора Лючия менялась в лице и становилась похожа на статую римской аристократки, которую я как-то видел в Флорентийском музее, но имени которой не запомнил.

Если бы я имел возможность задавать Лючии вопросы, то выяснил бы, конечно, что произошло, и главное, почему ее собственный муж подозревают любимую в прошлом жену в ужасном преступлении. Но спрашивать я не мог, спрашивала Лючия, и мне весь вечер пришлось напрягаться, чтобы не отойти ни на миллиметр в сторону от легенды номер четыре, которую я принял на вооружение. Детский психолог, работающий в средней школе с трудными подростками. Гм... Холост. Любитель классической музыки и хорошего вина. И женщин, само собой – это не обсуждалось, поскольку считалось очевидным.

Два момента я отметил особо. Первый: Лючия всячески избегала упоминаний о нынешнем феврале – что-то тогда произошло, это я понял. Сначала я подумал, что все естественно: синьор Лугетти сказал, что в феврале жена от него ушла. Да, но имя супруга не вызывало у Лючии ровно никаких эмоций, даже отрицательных. Объяснение не годилось.

Это один момент. Второй: синьор Балцано. Конечно, я не упоминал этого имени, но, переводя разговор с предмета на предмет, с женщин на мужчин, со случайных встреч на любимых гостей, с лысины на густую седую шевелюру я уже через час нашей непринужденной беседы убедился в том, что своего сегодняшнего посетителя Лючия никак с моими намеками не ассоциирует. Она даже сказала – без моего к тому даже косвенного понуждения, – что никто к ней не заходит, вы, синьор Кампора, были первым и последним за несколько недель, и я не стал ей напоминать, что меня-то она выпроводила именно под тем предлогом, что ждет гостя, который и появился вскоре... но я, естественно, не стал вводить Лючию в искус лжи, не хочет упоминаний о синьоре Балцано, и ладно, отмечу это обстоятельство, как еще одну вешку в расследовании. Тем более интересно, что это за человек, чью фамилию знал Сганарель и кого напрочь успела забыть уважаемая синьора. Человек, исчезающий из лифта и проходящий сквозь стены.

Не скажу, что после моих раздумий и раскладок что-то начало проясняться. Скорее наоборот. У меня сложилось четкое впечатление: Лючии есть что скрывать. Было в ее жизни нечто, о чем она вспоминать не хочет. Какое-то отношение к этому имеет синьор Балцано, о котором нужно непременно навести справки (и кстати, выяснить, как ему удалось исчезнуть, не спустившись ни в лифте, ни по лестнице, да и скрытой дверью из восьмой квартиры имело бы смысл поинтересоваться).

И что-то еще мне нужно было вспомнить, я подумал об этом, уже лежа в постели, погасил свет, за окном еще не наступила новая тишина, но улица уже немного угомонилась, и ровный шум сменился спокойным шелестом. Перед сном всегда приходят в голову странные мысли – может, реальные, может, уже созданные просыпающимся сонным воображением. Есть два вида фантазий, я твердо был в этом убежден. Дневные фантазии – рациональные в своем большинстве, в них есть суть, которую можно выделить. А есть фантазии ночные, просыпающиеся в тот момент, когда засыпают дневные воспоминания. У ночных фантазий (не всегда это сны, я имею в виду скорее то, что возникает в воображении в дремотном состоянии, когда мозг переходит на иной режим работы), так вот, у ночных фантазий своя логика, совершенно не совместная с дневной, логика иррациональная, но, тем не менее, столь же жесткая – просто правила другие, как у геометрии Реймана по сравнению с геометрией Евклида. Так вот, я хочу сказать, что, погрузившись уже наполовину в мир ночных фантазий, я вспомнил слово из вечернего разговора с Лючией, и слово это сразу открыло ящик ассоциаций и предположений, открыло и... И все. Утром я прорвал глаза с определенной мыслью: что-то я упустил, что-то важное, что-то

такое, что могло бы сразу разрешить загадку синьора Лугетти, слово это было сказано вчера, сказала его Лючия, да. Засыпая, я это слово вспомнил. Проснувшись, забыл напрочь.

И вспоминать бессмысленно. Я могу перебрать в памяти весь наш разговор, могу воспроизвести любую интонацию или поворот головы... и все будет точно – не как в аптеке, а как в Парижской палате мер и весов. Но *это* слово я не вспомню усилием мысли, это слово не будет для меня существовать – именно потому, что я уже упустил его, оно выскользнуло, упало, растворилось и как бы перестало существовать. На время. Я все равно вспомню, я это знал точно, не впервые со мной происходило такое. Вспомню. Но скорее всего, когда разрешу проблему, все встанет на свои места, и тогда, поглядев на один из кирпичиков, тщательно уложенных в стену доказательств, я хлопну себя по лбу и скажу – мысленно, конечно: «А ведь именно это слово...» И насколько быстрее я смог бы построить стену доказательств, если бы...

Мне нужно было многое успеть, я торопился, но мимо восьмой квартиры прошел медленно, прислушиваясь, Лючия, должно быть, еще не встала, время действительно было ранним – половина восьмого. На месте Сганареля сидела огромных размеров женщина лет тридцати – впрочем, при таких габаритах определить возраст трудно, скорее всего, она была моложе, чем выглядела. Я вежливо кивнул, но был остановлен тонким голосом, удивительно красивым – ну просто Кабалье! – и совершенно не подходившим к массивному, как атомная бомба, телу:

– Простите, синьор...

Я обернулся.

– Вы наш новый жилец? Из одиннадцатой квартиры, верно?

– Да, – сказал я, – мое имя Джузеппе Кампора.

– А мое Чечилия Чокки.

Чокки. Так кого же на самом деле имела в виду Лючия? Неужели не Сганареля, а эту женщину? Нет, она определенно говорила о мужчине.

– Чокки, – повторил я. – Очень приятно.

Что-то толкнуло меня под ложечкой, и я спросил, хотя секунду назад не собирался делать ничего подобного:

– Скажите, синьора...

– Синьорина.

– Прошу прощения. Скажите, синьорина Чечилия, синьор Балцано уже ушел?

Ни на секунду не задумавшись, синьорина Чокки ответила, глядя на меня ясным взором, в котором я не разглядел ни тени подозрения:

– Конечно, он ранняя пташка.

– В какой, вы сказали, квартире он живет?

– Я разве сказала? – удивилась синьорина Чокки и, подумав, добавила: – Но синьор Балцано здесь не живет.

– Да? – удивился и я, в свою очередь. – Значит, он приходит к кому-то в гости?

– К кому-то, – хмыкнула синьорина Чечилия. – Ясно к кому.

Я молчал, продолжал смотреть вопросительным взглядом, и, естественно, получил полную информацию, которая только добавила туману:

– К синьоре Синимберги, естественно. Только...

Она понизила голос, отчего он стал похож на тихое пение сирен:

– Наверно, они ссорятся, иначе отчего бы бедняге бродить ночами по коридорам, а не спать в...

Должно быть, ей пришло в голову что-то, по ее мнению, непристойное, потому что синьорина неожиданно смущилась, лицо ее пошло красными пятнами, и она скомкала фразу:

– ...в общем, это их проблемы, верно?

Мне пришлось согласиться, что, конечно, это их сугубо личные проблемы, и если, бродя ночью по коридорам, синьор Балцано не мешает спать остальным...

– Нет, конечно, – возмутилась такому предположению Чечилия.

– …Тогда это только их и касается, – закончил я.

Чечилия промолчала, и я отправился по своим делам, размышая о том, за каким, действительно, фигом нужно странному синьору Балцано бродить ночами по пустым и плохо освещенным коридорам.

* * *

Я позвонил Антонио Туччи – старому своему приятелю (если так можно назвать наши вообще-то довольно официальные отношения), с которым работал в полицейском участке до того времени, когда я ушел в отставку, а он отправился на повышение. Сейчас Антонио работал в следственном отделе центрального округа, дослужился до майора, имел небольшой штат сотрудников – иными словами, добился того, о чем я в свое время мечтал, но чего не стал добиваться, поскольку, как выяснилось, свобода оказалась для меня важнее, чем необходимость каждый день брать под козырек и говорить «слушаюсь, синьор капитан, будет исполнено, синьор капитан». Каждому свое. С вопросами к Антонио я уже обращался, и он обычно не отказывал, поскольку вопросы были такими, что никак не могли повлиять на его положение и продвижение по службе. И все-таки я сто раз думал, прежде чем позвонить Антонио и спросить: «Нет ли в полиции чего-то на синьора Икс или синьорину Игрек?» Антонио обычно напускал на себя невыносимо серьезный вид (даже в телефонном разговоре это ощущалось – кстати, по телефону сильнее, чем в беседе с глазу на глаз) и говорил: «Сделаю все, что смогу, Джузеппе, но ты же понимаешь: не все в моей власти…» Конечно. Я понимал. Я мог бы обратиться в полицию и официально – моя лицензия позволяла сотрудничать и с полицией, и с корпусом карабинеров (точнее, позволяла им сотрудничать со мной) в делах определенного толка, но официальные прошения всегда сопряжены с трудностями и проволочками, а когда информация требуется немедленно… В общем, личные связи всегда надежнее официальных отношений.

– Ты у себя? – спросил я Антонио после взаимных пожеланий крепкого здоровья и счастья в личной жизни. – Могу я сейчас подъехать, ты уделишь мне минут двадцать?

– Приезжай, – помедлив несколько секунд и, видимо, что-то высчитав в уме, согласился Антонио. – В одиннадцать тридцать. У тебя что-то серьезное? – не удержался он от вопроса.

– Да как обычно, – сказал я неопределенно и, попрощавшись, занялся вторым делом, которое не терпело отлагательства: позвонил в свой офис и попросил Сильвию отыскать и распечатать к вечеру все, что она сможет найти в Интернете о физике по имени Вердано Лугетти, сотруднике Римского университета. Биография, научные статьи, выступления на конференциях, интервью, фотографии – в общем, все, включая самые незначащие файлы.

– Вы собираетесь читать научные статьи? – удивилась Сильвия. – Это же галиматья.

– Распечатай, а там посмотрим, – сказал я. – И передай Гвидо: когда закончит с Розетти, пусть поработает с нашим новым клиентом. Мне нужно знать его обычное расписание – где, когда, что…

– Думаете, клиент вешает лапшу на уши? – хмуро осведомилась Сильвия.

Конечно, ей это не понравилось. Когда доходит до такого поворота событий – слежки за нашим же клиентом, – это всегда означает, что мне стало казаться, будто клиент обманывает, ему нужно от нас не то, что он заказал, и в конечном счете все сводится к тому, что он обвиняет агентство в невыполнении обязательств, отказывается платить за уже проделанную работу, требует назад аванс – в общем, ситуация всегда неприятная, и лучше держаться от таких клиентов подальше.

– Нет, не думаю, – сказал я. – Тут другая причина.

Третьим делом в то утро было выпить кофе с круассанами в кафе напротив дома – это действительно было именно делом, а не простым завтраком: я надеялся, что за это время Лючия выйдет и куда-нибудь направится, а я смогу хотя бы удостовериться в том, что отправится она по какому-нибудь из уже известных мне адресов: на работу, скорее всего.

Но я так и не дождался. В начале одиннадцатого Лючия все еще не появилась, и мне пришлось поехать в управление полиции. Антонио принял меня, как обычно, с распростертыми объятиями – в прямом смысле слова: бросился мне на грудь, мы дважды расцеловались, от него несло крепким одеколоном и новой формой, невыносимая для нормального носа смесь запахов, и я поспешил перейти к делу.

– Лючия Лугетти, в девичестве Сингарелли, – сказал я, когда мы устроились, наконец, за журнальным столиком, на котором были навалены газеты и журналы месячной давности. – Преподаватель античной литературы в институте филологии. Проживает в меблированных комнатах по улице Кавура. Мне нужно знать, что есть против нее у полиции. Любое нарушение, отмеченное в компьютере.

– И только? – как обычно, картино улыбнулся Антонио. Это, мол, раз плонуть. – А зачем тебе? – тоже традиционный вопрос, на который я всегда отвечал молчанием. – А, понятно: дамочка изменила мужу, да? Дело о разводе? Попробую тебе помочь.

«Попробую!» Ему нужно было только набрать несколько паролей на клавиатуре, и нужные сведения возникнут на экране спустя несколько секунд. Но прежде чем «попробовать», Антонио еще минут десять пытал меня, расспрашивая о делах, которые я вел в последние месяцы, и было ли там что-то такое, что могло бы («Я всего лишь спрашиваю, не собираюсь лезть в твои секреты!») потребовать вмешательства полиции или подпадало бы под компетенцию корпуса карабинеров. Ничего, естественно, не почерпнув для себя и своей организации, Антонио перешел, наконец, к столу и набрал на клавиатуре нужные пароли. Сидя за журнальным столиком, я, естественно, не мог видеть, что появилось на экране, но взгляд Антонио неожиданно стал сосредоточенным, пальцы забегали по клавишам с быстротой пианиста, играющего «Революционный этюд» Шопена (я учил эту дурь в седьмом классе и до сих пор мои пальцы начинали дергаться, когда я вспоминал предэкзаменные мучения), а принтер выплюнул два листа, которые Антонио перечитал и, похоже, задумался: передавать мне эту информацию или…

– Ну что? – спросил я. – Надеюсь, она не замешана в каком-нибудь убийстве?

Глядя на удрученное лицо Антонио, я вполне мог об этом подумать. Неужели Лугетти прав, и его жена действительно…

– Странно, – буркнул Антонио. – Нет, в убийствах она не замешана. Но она…

– Что? – спросил я нетерпеливо. – Не убийство, так грабеж?

– О чём ты говоришь, Джузеппе? – возмутился Антонио. – Почтенная женщина! Ладно, смотри сам… Только не думаю, что эта информация тебе что-нибудь скажет.

Он перекинул мне через стол два листка, и я пробежал взглядом распечатку.

Стандартные данные при заполнении полицейской анкеты, ничего для меня нового. Зачем на нее анкету заполняли? Что она все-таки… Нет, не привлекалась, даже свидетелем не проходила ни по одному делу. Тогда почему… Ага, вот, на второй странице. Исчезновение Джанджакомо Гатти. Дело открыто 2 февраля нынешнего года. В том самом месяце, когда супруги поругались, и Лючия покинула семейное гнездышко. Ну и что? После этого – не значит… Кто такой Гатти? Ни слова. Открыто дело об исчезновении. Если открыто, и если Лючия с этим делом связана, здесь должно быть сказано – каким образом. Возможно, она проходила как свидетель. Нет, выше написано… И больше – до конца страницы – о Гатти никаких упоминаний. Что все это…

– Что это значит? – спросил я. – Кто такой Гатти? И при чём здесь синьора Лугетти, как это оказалось в ее деле, если она не проходила ни свидетелем, ни…

– Послушай, Джузеппе, – нервно потирая кончики пальцев, произнес Антонио. Почему-то он не на меня смотрел и даже не на экран компьютера, а в какую-то точку на потолке, которая так же была связана с его мыслями, как Лючия Лугетти-Сингарелли с исчезнувшим синьором Гатти. – Я тебе скажу. Все равно ты ничего не раскопаешь, потому что, во-первых, там копать некуда, а во-вторых, наши уже копали, дело – полный пшик. Какое отношение к Гатти имеет твоя клиентка, я не знаю, может, имеет, может – нет. В досье это, как видишь, упомянуто, но есть ли тут какой-то смысл…

– Ты можешь не говорить загадками? – придав голосу усталый оттенок («Как все это мне надоело, сейчас бы бутылочку пива…»), сказал я. – Если можешь что-то сказать, – говори. Не можешь – не стану настаивать…

– Не в этом проблема! – воскликнул Антонио и повернулся, наконец, ко мне всем корпусом. – От этого Джанджакомо Гатти только имя и осталось – причем, возможно, лишь в этом досье и нигде больше. Я могу проверить ради спортивного интереса, но не хочется опять влезать в эту тягомотину, она мне столько нервов попортила… И я не уверен, что если опять затребую информацию о синьоре Лугетти… Ладно, проведу эксперимент.

Он кивнул сам себе, и пальцы его начали выстукивать на клавиатуре то ли Шопена, то ли Листа, а может, «Неаполитанскую тарантеллу» Россини. Даже не взглянув на текст, возникший на экране, Антонио потянулся к принтеру, с урчанием выбросившему два листа бумаги, и передал их мне, закрыв, как мне показалось, глаза, чтобы ненароком не взглянуть на то, что получилось.

– Ну? – спросил он.

– То же самое, естественно, – сказал я с недоумением. Естественно, то же самое – что могло измениться в полицейском досье?

– Гатти…

– Ну да, – кивнул я. – Дело об исчезновении Джанджакомо Гатти, открыто… Так ты не ответил на вопрос: кто такой Гатти и какое отношение к его исчезновению имеет синьора Лугетти, если ее даже свидетельницей не вызывали?

– Ага, – глубокомысленно заметил Антонио, потянулся через стол, забрал у меня обе распечатки, сравнил их, бросил на стол, вздохнул с видом человека, который собрался открыть важную государственную тайну, и заговорил монотонным голосом, подражая, должно быть, автоответчику собственного телефона, мне так и захотелось дождаться слов «оставьте сообщение после сигнала» и высказать своему визави все, что я думаю о его игре в таинственность там, где, совершенно очевидно, речь идет о чем-то бытовом и, возможно, даже не очень интересном. – Синьор Джанджакомо Гатти был, если мне память не изменяет, а тут у меня нет никаких гарантий, так вот, он был по профессии историком, занимался античным периодом в Малой Азии, не спрашивай меня, что это означает, и жил в Сан-Тинторетто, это небольшой городишко в сорока километрах от Рима по пути к Флоренции.

* * *

Я изложу эту историю сам, расположив факты в хронологической последовательности, потому что Антонио, рассказывая, перескакивал с пятого на десятое, что при его многолетнем опыте работы в полиции было противоестественно – как для театрального актера произносить текст роли не от начала к финалу, а вразброску, кусок из третьего акта, кусок из первого – в надежде, что зритель сам соединит текст в правильной последовательности.

Итак, второго февраля в полицию Сан-Тинторетто поступило сообщение от патрульного о том, что его остановил на улице Вольтерьянцев привратник одного из домов и попросил разобраться с владельцем квартиры на втором этаже. Что значит – разобраться? Выяснить, не произошло ли с хозяином что-то нехорошее, потому что вторые сутки он не подает призна-

ков жизни, принесенная ему посыльным еда лежит перед дверью, на звонки он не отвечает, и никаких звуков из квартиры не слышно, даже если приложить ухо к входной двери. Задав наводящие вопросы, полицейский выяснил, что живет в квартире (спальная комната, гостиная, кухня, ванная и туалет, общая площадь 68 квадратных метров) инвалид по имени Джанджакомо Гатти, сорока двух лет, по профессии историк, в прошлом – сотрудник Музея во Флоренции. В детстве он перенес болезнь, лишившую его сначала возможности иметь детей, а затем приковавшую к инвалидной коляске. Не настолько, чтобы синьору Гатти требовалась постоянная помощь – он мог кое-как по квартире перемещаться, держась за разные предметы, но при этом испытывал мучительные боли и потому предпочитал проводить дни и ночи в коляске, однако, жить предпочитал один иправляться со своими проблемами тоже предпочитал в одиночку. Болезнь прогрессировала – в юности синьор Гатти даже автомобиль водил, а основательно в коляску засел в возрасте тридцати шести лет, тогда же и с работы ушел, жил на государственное пособие, а квартиру купил еще в молодости, когда сумел быстро накопить нужную сумму.

Патрульные связались с начальством, получили разрешение и вскрыли дверь, оказавшуюся настолько непрочной, что достаточно было двух ударов плечом, чтобы сорвать ее с петель. В квартире никого не было. В спальне полицейские обнаружили разобранную постель, на столе в гостиной лежало блюдо с тремя пирожными, одно из которых было надкусано. Самое интересное ожидало полицейских на кухне, где хозяин квартиры, видимо, завтракал в тот момент... В какой момент? Скажем, в момент Икс. Вы же наверняка знаете множество историй о прошлых и современных «Летучих испанцах» – судах, покинутых экипажем, где все находится на своих местах, в камбузе на остывшей плите стоит полная кастрюля, на столах в тарелках недоеденная еда, и даже кусок уже заплесневевшего хлеба выглядит так, будто кто-то надкусил его, потом положил на стол и исчез.

Так в кухне все и выглядело. Полная наполовину чашка с чаем, наполовину съеденный бутерброд с голландским сыром, надкусанное печенье, кофейник, на плите в сковородке яичница с ветчиной, ее, видимо, синьор Гатти собирался съесть после бутерброда, но...

И самое странное: у стола стояла инвалидная коляска, стояла на тормозе, чтобы не выкатилась случайно, стояла так, чтобы человеку, сидевшему в коляске, удобно было дотянуться до чашки, тарелки и кофейника. На сидении лежал плед, концы свисали до пола, впечатление было таким, будто синьор Гатти накинул плед на плечи, а потом...

Потом синьор Гатти испарился, а плед, соответственно, упал на сиденье.

Вариант, собственно, был один – кто-то проник в квартиру, когда Гатти завтракал, и похитил несчастного с целью... какая могла быть цель в похищении никому, по сути, не нужного инвалида, не обладавшего ни состоянием, ни властью, ни скрытыми в квартире сокровищами, потому что если бы странные грабители-похитители намеревались эти сокровища найти, то все в комнатах было бы перевернуто... а может, они знали, где искать и сразу взяли то, что хотели... но тогда зачем забрали хозяина?

Впрочем, все эти идеи о похищении и сокровищах были чепухой изначально: никого, кроме синьора Гатти, в квартире не было и быть не могло. Типичная загадка запертой комнаты: все окна во всех комнатах и службах были закрыты и заперты изнутри на задвижки или замки, все стекла целы, синьор Гатти не любил свежий воздух, он всегда закупоривал свое жилище и проветривал его, по словам привратника, раз в неделю, но делал это быстро и уже минут через десять после того, как открывал окна, закрывал их опять, полагая, что набранного за это время кислорода ему хватит для дыхания на всю следующую неделю. Входная дверь тоже была заперта изнутри на ключ, который так и остался торчать в замочной скважине после того, как дверь взломали.

В общем, получалось так, будто синьор Гатти сидел в своей коляске, пил чай с бутербродом и внезапно исчез, испарился, дематериализовался. Если бы он решил встать с коляски

(почему нет?), то коляска не стояла бы на тормозе, придвинутая к столу так, что выбраться из нее было невозможно – равно как и сесть.

Первым делом мой приятель Антонио прошелся по связям исчезнувшего. Это оказалось не так уж трудно для экспертов-программистов, которым был передан изъятый в квартире Гатти довольно старый ноутбук; то есть, футляр был старым, от Хьюлетт-Жаккард, но начинка – новая, включая самые продвинутые гаджеты. Гатти вел обширную переписку, чтобы не чувствовать себя одиноким и всеми покинутым. Тем не менее, он, похоже, ощущал себя таковым, если судить по сохраненным письмам и протоколам Ай-Эн-Кью. В списке контактов синьора Гатти насчитывалось триста восемьдесят шесть имен – по большей части, иностранных пользователей, один из которых, как выяснилось, проживал на австралийской антарктической станции Уайт Берд. Но и в самом Риме у синьора Гатти было немало виртуальных знакомых – с них, естественно, Антонио и начал свое расследование.

Он рассказал мне о том, как это происходило, своими словами, поскольку в краткой справке по делу об этом ничего написано не было.

– Ты знаешь, Джузеппе, – вытирая платком пот со лба и шеи, сказал Антонио, – это просто кошмар какой-то. Интернет делает людей актерами. Они все играли – каждый свою роль и бывало, что всякий день – разную. В списке контактов у Гатти была милая девушка лет восемнадцати, Оливия ее звали, на фото – красавица. Наши компьютерщики ее вычислили… как-то они это умеют делать – по номеру компьютера в сети, кажется. Мы поехали по адресу, а там оказался старый хрыч, лет под восемьдесят, очень активный стариашка, бывший военный летчик, он этой Оливии и представлялся, не только синьору Гатти, естественно, но, похоже, Гатти был одним из немногих, кто принимал личность Оливии за чистую монету… Как бы то ни было, этот старик – его фамилия Овиороли, вот он в списке свидетелей, – несколько раз соглашался прийти на свидание с синьором Гатти, но, естественно, в последний момент все отменял, воспламеняя воображение бедного инвалида.

– А что же синьора Лугетти? – напомнил я.

– Да, синьора Лугетти. Она тоже была в списке контактов.

– Вот как? Вы ее допрашивали, как свидетеля?

– Нет, ты же видишь – ее нет в списке. Она познакомилась с Гатти два года назад, написала ему письмо с каким-то вопросом… то ли он ей написал… сейчас я и не помню, это неважно. Они довольно долго обменивались письмами, а потом переписка прекратилась, ну, ты знаешь, как это бывает… иссякли темы, угас интерес… В контактах ее имя осталось, но в архиве писем не было…

– Тем не менее, ты вспомнил ее имя в связи с делом Гатти. Если она была всего лишь одной из сотен…

– Ты прав, конечно, я бы ее не запомнил. Видишь ли, было одно обстоятельство… В тот день, когда вскрыли квартиру Гатти, она прислала ему на почту письмо… его прочитали уже наши эксперты, естественно. Нейтральное письмо, что-то типа: «Интересный вопрос, надо обсудить». Насторожило то, что письмо было послано после долгого перерыва – именно в тот день, когда… Марио, ты его знаешь, толстый такой, наш компьютерный гений… впрочем, ты можешь и не знать, он начал работать, когда ты уже… Да, так Марио утверждал, что в письме может содержаться шифр, потому что вероятность того, что после перерыва именно в тот день… Да, очень маленькая вероятность, но в жизни случаются такие совпадения… Короче говоря, я сам к ней отправился – честно говоря, просто проезжал мимо, увидел адрес… Вспомнил дело Гатти, дай, подумал, зайду, выясню на месте… Синьора была дома и только от меня узнала, что Гатти исчез. Понятно, я не рассказывал подробностей, просто сообщил, что произошло нечто, потребовавшее вмешательства полиции. Она пожала плечами, сказала, что это неважно, она просто хотела посоветоваться по поводу каких-то древнеримских артефактов, напоминавших по форме современные реактивные самолеты, в которых синьор Гатти был

большая дока. В артефактах дока, а не в самолетах, конечно. Я ушел, но осталось сомнение. Чего-то она, возможно, не договаривала. Но я даже не привлек синьору Лугетти как свидетеля, поскольку... ну, что она могла сказать? В списке были гораздо более осведомленные... А синьору Лугетти я запомнил именно потому, что она... Мне показалось, да... Ничего больше. Но я тебе и сейчас скажу, Джузеппе: она знала о синьоре Гатти больше, чем говорила. Что именно? Не имею ни малейшего представления.

– А другие свидетели? – спросил я. – Как я понимаю, ни тела Гатти, ни каких-то зацепок для поиска ты не нашел?

– Нет, – вздохнул Антонио. – Как сквозь землю провалился. Другие свидетели... Я много чего узнал о компьютерных знакомствах... Толку-то. Вот Кавалли, в списке под номером вторым. Это действительно Кавалли, один из ведущих сотрудников Миланского исторического музея. С Гатти у него было много общих интересов, переписка и разговоры в чатах, ну и что? Он говорил с Гатти за день до его исчезновения – никаких зацепок, обычный разговор, есть запись в архиве Ай-Эн-Кью.

– Кто-то говорил с ним последним, – сказал я. – Может, в тот самый день и, может, даже перед самым завтраком.

– Конечно! Арнольд Хервальд из Стокгольма, компьютерный график, они обсуждали иллюстрации к книге, которую Гатти намеревался написать – о методах прогнозирования будущего.

– Историк?

– Ну... Вроде бы кому, как не историку, лучше знать всякие тенденции в развитии общества... Что-то в таком роде.

– Разве в Риме нет графика, который...

– Твой вопрос, Джузеппе, был бы понятен, задай ты его тридцать лет назад. А сейчас... Проще порой обсудить что-то важное с приятелем из Аргентины, чем найти такого же специалиста в Риме.

– Понимаю, – кивнул я. – Вернемся к синьоре Лугетти. Значит, на нее у тебя ничего нет, кроме интуитивного предположения, будто что-то на нее у тебя есть.

– Именно так. Я в свое время сделал пометку... видимо, на память, может, думал, потом еще с ней поговорю... но забыл. Сейчас вот вспомнил.

– А дело Гатти...

– Сдали в архив, скорее всего.

– Тело не нашли, – сказал я утвердительно.

– Нет, – насупился Антонио. – Я же говорю: типичная загадка запертой комнаты.

– Не такая уж типичная, – не согласился я. – Обычно в запертой комнате находят труп, и непонятно, как туда смог войти убийца, и как он вышел. У тебя трупа нет вообще.

– Именно в том и проблема.

– Могли прийти знакомые Гатти, он их впустил, встал с коляски... ты говоришь, он мог, да?.. И они его увели. А коляску задвинули ближе к столу, какие проблемы?

– Послушай, Джузеппе, таких версий я тебе навалю сотню, мы их проверяли. Никто его не уводил, дверь заперта изнутри, ты понимаешь?

– Не кричи, – поморщился я. – Проблема с дверью решается – можно, например, с помощью магнита...

– Я думал, ты делом занимаешься, а не детективные книжки читаешь, – мрачно сказал Антонио. – Ты представляешь, какой мощности должен быть магнит?

– Хорошо. Не дверь, так окно. Шпингалет...

– Ах, оставь! Представь себя на моем месте. Ты бы проверил любые возможности, верно? Я их тоже проверил. И кстати... Относительно того, что Гатти якобы мог встать с коляски, а потом придвинуть ее обратно... Не мог. Понимаешь, он опрокинул баночку с яблочным кон-

фитюром, она стояла на краю кухонного столика, он, видимо, нарезал там себе хлеб и нечаянно...

– Нарезал, сидя в коляске?

– В том-то и дело, что нет. Он встал. Он стоял у стола, баночка опрокинулась, немного конфитюра оказалось на полу. И на столе тоже, конечно, но главное – на полу. Гатти наступил ногой. Потом сделал несколько шагов. Коляска стояла у стола, он, видимо, поставил поднос с едой, сел в коляску... это тоже видно по следам от конфитюра... Придвинул коляску к столу и принялся за еду. И больше не вставал, понятно? Есть только одна цепочка конфитюрных следов.

– Ага, – сказал я. – Потом он просто улетел по воздуху.

– Давай без иронии, – рассердился Антонио. – Я тебе могу и другие глаголы... Испарился, дематериализовался, исчез...

– Достаточно, – я поднял руки. – Меня, собственно, не этот таинственный Гатти интересует, а синьора Лугетти, которая, как ты говоришь, по его делу даже в свидетели не годится.

– Не годится, – буркнул Антонио, – но что-то она... Будешь с ней говорить? Я имею в виду – о деле Гатти?

Я покачал головой. Таинственное исчезновение синьора Гатти, конечно, поражало воображение, особенно воображение полицейского, которому такие случаи нужны в практике также, как собаке пресловутая пятая нога, но я прекрасно помнил, сколько в бытность мою полицейским следователем мне попадались дела, выглядевшие в начале не менее фантастическими, а затем оказывавшиеся такими банальными, что скулы сводило. И все лишь потому, что при первом осмотре места происшествия упускаешь какую-то вроде бы мало значащую деталь или в мотивах преступления не сразу разбираешься – как бы то ни было, впоследствии всегда оказывалось, что так называемая запертая комната прекрасно отпиралась, надо было только включить наблюдательность, а мотивы становились яснее солнечного дня, если удавалось обнаружить случайного свидетеля, который...

– Что? – вздрогнул я, потому что Антонио произнес какую-то длинную фразу, прошедшую мимо моего сознания.

– Я вот еще вспомнил, – повторил Антонио, – что мне тогда показалось странным. Синьора... м-м... Лугетти осталась совершенно спокойной, когда узнала, что с Гатти что-то случилось... могла ведь предположить, что нечто нехорошее, если полиция интересуется... Да. Но пришла в сильное возбуждение, когда я сказал совершенно нейтральную фразу... Сейчас и не помню – что именно. Она посмотрела на меня таким странным взглядом, будто я на ее глазах застрелил человека... смесь ужаса и любопытства, если ты понимаешь, что я хочу сказать... Помню, я даже спросил: что, мол, случилось? Она дернула головой, будто отогнала видение или мысль... Я вот пытаюсь вспомнить: что же я такого сказал...

– Неважно, – я встал и протянул приятелю руку через стол. – Спасибо, Антонио. Бумагу я могу взять с собой?

– Конечно, – Антонио пожал мне руку и пошел проводить к двери. Я уже выходил, когда он неожиданно произнес: – Ага, вспомнил. Мы тогда немного поговорили о демографии... надо было как-то закончить беседу... я сказал, что скоро в Риме станет невозможно жить, надо перебираться в сельскую местность. «Большой демографический взрыв, – сказал я, – это, в конце концов, наша проблема, мы ее сами создаем, а потом жалуемся, что жизнь становится хуже». Что-то в этом роде.

– И она...

– Я же говорю: посмотрела на меня, будто я убил человека.

– Что-нибудь сказала?

– Нет... Кажется, на том наш разговор и закончился.

* * *

Большой демографический взрыв. Большой взрыв. И что? Синьор Гатти исчез в начале февраля. От мужа Лючия ушла пару недель спустя. После этого – не значит вследствие этого. Но почему-то часто получается так, что «после» и «вследствие» связаны друг с другом – случается и наоборот, конечно, я не знал статистики совпадений и антисовпадений, но утверждать, будто «после» однозначно не означает «вследствие», я бы не стал.

Во всяком случае, этот момент следовало исследовать особо. Я был бы не прочь собственными глазами взглянуть на квартиру синьора Гатти, на его кухню и его инвалидную коляску, и на следы конфитюра, но это, понятно, невозможно: в квартире наверняка уже давно живет кто-то другой...

Я позвонил в справочную Сан-Тинторетто, узнал нужный мне телефон в муниципалитете, набрал номер и мило побеседовал с секретаршей, сообщившей по секрету (таким, во всяком случае, был ее голос), что квартира, в которой жил исчезнувший синьор Гатти, до сих пор стоит опечатанная, потому что у кого-то в полиции, видимо, застарелый склероз, дело все еще не закрыто официально, и из-за этого невозможно сдать квартиру... да, она принадлежит муниципалитету... а вот об этом нужно разговаривать с комиссаром, поскольку, как я сказала, дело не закрыто, и если синьору удастся надавить... да, я понимаю, что это не в вашей компетенции...

Разговор с комиссаром Стефанелли оказался коротким: я представился, сказал, что занимаюсь расследованием, в ходе которого мне бы хотелось ознакомиться с квартирой... Стефанелли даже не дослушал, его кто-то торопил, чьи-то возбужденные голоса слышались в трубке, да сколько угодно, сказал он, приезжайте, сержант Андреотти пойдет с вами, чтобы потом опять опломбировать... Да, я знаю, все время забываю оформить, дело формально не закрыто... Почему? Нет никакой причины – надо закрыть и сдать в архив, но... Вот, скажем, если бы дело закрыли, разве смогли бы вы побывать в квартире, так что для частного сыска наша недоработка как раз... Вот именно.

Мы договорились, что в Сан-Тинторетто я приеду завтра в одиннадцать, после чего, удовлетворенный даже сверх запланированного, я отправился в офис и выслушал подробный отчет Сильвии, а также получил на руки толстую пачку распечаток.

– Да, – сказала Сильвия, – звонил этот ваш клиент – Лугетти.

– Он сказал, что ему нужно?

– Нет, но говорил возбужденно, как человек, который неожиданно что-то узнал и хочет поделиться...

– Если он опять позвонит, соедини. Я пока почитаю.

И почитал. Синьор Вердано Стефано Лугетти родился, оказывается, 31 марта 1970 года в Милане, где и окончил школу, родители Арвидо Лугетти, заведующий отделом в супермаркете, мать Оливия Лугетти (урожденная Туччи), швея. Вердано – единственный ребенок, поскольку после его рождения синьора Оливия заболела (после этого – не значит вследствие этого, хм...) и лишилась возможности иметь еще детей. Я мог себе представить, как дрожали родители над своим единственным чадом. Впрочем, не обязательно. После школы Вердано приехал в Рим, поступил в университет (учебу оплачивали родители до тех пор, пока на четвертом курсе юное дарование не получило на кафедре место лаборанта), учился отлично, предметом его интересов всегда была космология, после окончания университета остался работать на кафедре физики, на год ездил стажироваться в Соединенные Штаты, в Колумбийский университет, работал у Вайнбурга, Нобелевского лауреата, вернулся через год с готовой диссертацией, которую и защитил в январе 1999 года. Тема: «Расчеты влияния психофизических волновых функций на эмуляционную структуру мироздания с учетом переменных начальных и граничных

условий». Тексты его научных публикаций, ссылки на сайты… зачем мне ссылки, я не собирался сам бродить по научным порталам, если есть распечатки… Я еще раз пробежался взгядом по названиям. Хорошо бы иметь консультанта… например, кого-нибудь с той же кафедры, где работал Лугетти, какого-нибудь его коллегу… Да, и коллега этот мог бы мне рассказать кое-что не только о работах Лугетти, но и о нем самом – какой он человек, как к нему относятся на кафедре… Хорошая идея, только с единственным изъяном – мой информатор (правда, у меня его еще не было) в большой долей вероятности после нашего разговора позвонит Лугетти или отправится в его кабинет и спросит: «Послушай, Верiano, что ты натворил, если тобой интересуется частный сыщик, ну, знаешь, такой, высокий, худощавый, с прямыми бровями?» И рассерженный клиент тут же позвонит мне и возмущенно заявит с полным на то основанием: «Я вас для чего нанимал, синьор Кампора? Я вам деньги плачу, чтобы вы за мной шпионили?»

Нет, конечно, платили мне совсем не за это. Значит, при всей видимой перспективности… Ну почему же? Наверняка у Лугетти есть в мире науки не только друзья, но и недоброжелатели, они с удовольствием сообщают мне информацию. А потом надо будет разбираться, что в этих сведениях правда, а что – плод недобросовестного воображения.

Но без консультанта все равно не обойтись. Почему бы не привлечь в качестве такового самого синьора Лугетти – пусть сам расскажет о своих изысканиях, тем более…

– Опять звонит этот Лугетти, – сообщила Сильвия, – соединить?

– Конечно, – сказал я.

– Синьор Кампора, – голос у клиента был не то чтобы возбужденным, скорее наоборот, говорил Лугетти медленно и спокойно, но спокойствие это показалось мне нарочитым – будто человек долго на кого-то злился, а потом взял себя в руки… – если у вас есть сейчас такая возможность, не могли бы вы уделить мне немного времени?

– У вас появилась информация, которую вы мне хотели бы сообщить? – поинтересовался я. – Если нет, то я бы хотел работать… кстати, именно по вашему делу. Пока мне ничего вам сообщить.

– Информации у меня нет, – сказал Лугетти, помолчав. – Просто… Хотел поговорить.

– Хорошо. Вы можете подъехать прямо сейчас? Я буду в офисе до пяти, а потом…

Потом у меня свидание с его супругой.

– Еду, – сказал он…

Синьор Лугетти ворвался в кабинет, как грабитель в банк, и вид у него был таким, будто сейчас он действительно выхватит пистолет, выстрелит в потолок и с криком: «Ограбление, всем лежать!» примется опустошать ящики моего письменного стола, куда я положил распечатки его научных работ.

– Что с вами? – с беспокойством спросил я.

– Ничего не случилось, – сказал он. – В том-то и дело, что ничего. Время идет. Вы не звоните.

– Я пытался понять, в чем вы обвиняете…

– Послушайте, синьор Кампора! Не нужно заниматься тем, чем я не просил вас заниматься. Мне не нужен ответ на вопрос – что сделала Лючия. Я хочу знать – почему.

– Тогда и вы послушайте, синьор Лугетти! Как я могу ответить на вопрос «почему», не зная – что?

Лугетти посмотрел на меня задумчивым взглядом, будто оценивая, действительно ли я такой идиот, каким хочу выглядеть, или я все-таки умный сыщик и только прикидываюсь идиотом, чтобы выманить у него сведения, которыми он по какой-то причине не желает делиться. Что-то общее было в этом взгляде и в том, как смотрела на меня прошлым вечером Лючия, та самая, чей мотив я должен был выяснить, не зная, что именно она сотворила, с кем и когда.

– Знаете, от чего погибнет человечество? – таким же задумчивым тоном спросил синьор Лугетти.

— Человечество не погибнет, — бодро сказал я. — Атомные войны сейчас непопулярны, экологическая катастрофа — выдумка «зеленых», террористы опасны для политиков, но к выживанию человечества терроризм никакого отношения не имеет...

— Ясно излагаете, — с одобрением кивнул Лугетти. — Человечество, чтоб вы знали, погибнет от взаимного непонимания. Когда люди даже на одном языке...

— Хорошо, — сказал я. — Скажите, ваша жена ушла от вас в конце февраля, верно?

— Восемнадцатого, — кивнул он.

— Восемнадцатого, — повторил я. — Синьора Лючия была знакома с неким Джанджакомо Гатти?

Лугетти нахмурился. Похоже, он впервые слышал о Гатти — это было понятно по его взгляду, я мог и не дожидаться ответа. Все-таки я подождал, когда Лугетти скажет «нет».

— Мне это имя не знакомо, — добавил он. — Кто это?

— Он был историком, — пояснил я. — Инвалид. У него не двигались ноги. Одно время работал в университете. Если ваша жена упоминала его имя...

— Она никогда не рассказывала ни о ком, кто... А почему вы говорите об этом человеке «был»? Он умер?

— Я не знаю, умер он или жив. В полиции он числится пропавшим без вести. И жена ваша, возможно, совершенно ни при чем.

— Почему вы о нем спрашиваете?

— Есть предположение... — я покачал головой. — Если бы вы знали это имя, что-то, возможно, стало бы понятнее. А так...

— Гатти, — сдвинув брови, повторил Лугетти. — Инвалид, говорите? Нет, чепуха.

— Что чепуха? — поинтересовался я.

— Я так понял, вы намекаете, что у Лючии могла быть с ним связь. Не могла — говорю с полным основанием. Лючии всегда нравились высокие брюнеты с хорошими мозгами, мозги для нее — главное достоинство мужчины, но и внешность играет не последнюю роль. Инвалид... У таких больных обычно проблемы с... ну, вы понимаете. Нет, Лючия с таким... Чепуха.

— Я вот думаю, — сказал я медленно, наблюдая за синьором Лугетти, — отказаться мне от вашего дела или все-таки продолжать тратить ваши деньги, несмотря на всю бессмысленность моей работы.

Лугетти остался спокойным.

— Вы не можете отказаться, — пожал он плечами, — мы подписали контракт.

— Да, и я в который раз повторяю: невозможно доискаться мотива, если не знаешь, что произошло...

— Я вам говорил, — буркнул Лугетти.

Похоже, мы пошли по второму кругу. Или уже по пятому?

— Хорошо, — сдался я. — Вы позволите мне действовать так, как я считаю нужным, даже если мои действия начнут на каком-то этапе нарушать ваши интересы?

— Конечно, — буркнул Лугетти и поднялся. — Собственно, я и пришел к вам, чтобы сказать это. Подумал, что вы можете наткнуться на что-нибудь, связанное со мной... и не захотите... м-м... В общем, если вы обнаружите, что мотивом стало мое... ну... не знаю... в общем, если я в чем-то замешан, то делайте свое дело, хорошо?

— Именно это и я хотел от вас услышать, — заявил я с чересчур наигранным пафосом.

* * *

С Лючией мы встретились «совершенно случайно», когда она поднялась в лифте на этаж, а я вышел из своей квартиры, чтобы выбросить пакет с мусором в мусоропровод, расположенный

ный в торце коридора, в противоположном от лифта конце. Вряд ли она могла заподозрить меня в том, что я полтора часа ждал ее появления у приоткрытой двери.

– Добрый вечер, – сказал я.

Она кивнула, улыбнулась, промолчала и принялась искать в сумочке ключ от входной двери. Между нами было метров шесть, не очень удобно для разговора, подойти ближе мне не позволяла моя природная застенчивость, в существовании которой синьора Лугетти убедилась накануне, и я сказал достаточно громко, ни к кому, впрочем, прямо не обращаясь:

– Я как-то присутствовал на настоящей японской чайной церемонии, но уверен, никто не знает, что такое настоящая итальянская чайная церемония. Это...

– Что? – Лючия не оборачивалась, но дала понять, что услышала мой призыв.

Я выбросил в мусоропровод пакет, не торопясь, подошел и взял из ее руки ключ, которым она никак не могла попасть в замочную скважину. Мне это удалось с первой попытки, как, безусловно, удалось бы и ей, будь она в этом заинтересована.

– Итальянская чайная церемония, – продолжал я, стоя так, что войти в дверь и закрыть ее с той стороны она могла бы, только оттолкнув меня с дороги, – заключается в том, что... нет, это нужно видеть и нужно чувствовать аромат...

– Можно мне войти? – сказала она. – Я бы с удовольствием приняла приглашение, Джузеппе, вчера был чудесный вечер, но... сегодня не получится.

– Жаль, – мне действительно было жаль терять день по причине, о которой я догадывался. Синьор Балцано... – Может быть, завтра?

– Может быть, – сказала она, вселив в меня надежду. Я просиял и отошел в сторону, пропуская Лючию в ее апартаменты. Прежде чем она, улыбнувшись, закрыла передо мной дверь, я произнес с задумчивым видом:

– Вчера я долго не мог уснуть...

Вечер с красивой женщиной, понятно, гормоны играют, попробуй уснуть, когда прокрутишь в мыслях, как бы вы могли, если бы представился случай... Так она подумала в тот момент, я видел по ее взгляду, не столько смущенному, сколько все-таки призывному.

– И мне показалось... Нет, я точно знаю: в нашем доме нарушаются законы физики.

Я сообщил это нейтральным тоном, как о наблюдении вполне рядовом: действительно, почему бы в многоквартирном доме не нарушаться, например, закону сохранения массы? Однако эффект от моих слов превзошел все ожидания. Лючия уронила ключ, который звякнул и тут же куда-то завалился, так что искать его нам пришлось вместе, низко склонившись и чуть ли стукаясь головами: картинка точь-в-точь как в опере «Богема», я очень надеялся, что и результат окажется... скажем, не совсем таким, как у Пиччини, я не собирался объясняться Люции в любви (да? Я мог это сказать совершенно искренне?), но какое-то взаимное понимание после совместного ползания по полу должно было между нами установиться. И еще: я видел глаза Лючии. Выражение ужаса – вот что было в ее взгляде.

– Куда же он... – бормотала она, бессмысленно шаря рукой по полу и стараясь не смотреть в мою сторону.

– Нашел! – воскликнул я и подал Лючии злополучный ключ. – Прошу прощения, что напугал...

– Ну что вы, – сказала она. – Напугали? Вздор.

Мы опять на «вы»?

– Позвольте пригласить вас на настоящую итальянскую чайную церемонию, и я расскажу, что видел.

– Хорошо, – сказала она. – Уговорили. Через час. Мне нужно кое-что... Только имейте в виду, синьор Кампора: ненадолго.

– Как будет угодно синьоре.

Дверь захлопнулась перед моим носом.

Час, оказавшийся в моем распоряжении, я провел с пользой: купил в лавочке за сквером упаковки «Ахмада», «Хальеса» и «Эльдара», самых дорогих сортов чая (синьор Лугетти платит), чашки взял в кафе «Марекъяре», дав хозяину залог в сорок тысяч лир (при всей их загадочной красоте чашки столько не стоили), лимоны, сахар, коньяк – это у меня уже было… в общем, когда через час я постучал в дверь восьмой квартиры, у меня все было готово, включая два микрофона, обнаружить которые сумели бы только эксперты из военной контрразведки.

Лючия открыла дверь, и я не удержался от восхищенного взгляса.

– Спасибо, – улыбнулась она, будто я произнес изысканный комплимент по поводу ее изумрудного цвета платья, ее ярко накрашенных губ, ее изумительного янтарного ожерелья и ее каштановых волос, которые она всего лишь причесала, но получилось замечательно, лучше просто не бывает.

Мы прошли ко мне, и следующие полтора часа были самыми бессмысленными в моей практике, поскольку говорили мы о чем угодно, но только не о том, что меня интересовало на самом деле. Надеюсь, что чай Лючии все-таки понравился – если не процедурой приготовления, которую я сочинял на ходу, то хотя бы вкусом и ароматом. И еще рюмочка коньяка с долькой лимона… И восторженные взгляды…

А потом, глядя ей в глаза, я сказал:

– Да! Я же хотел о законах физики. Вы не поверите, но мужчина… гм… вышел из вашей квартиры… То есть, я хочу сказать, прямо из стены.

Понятно, что я умею следить за выражениями лиц людей, с которыми разговариваю. Чего я ждал от Лючии? Что она хлопнется в обморок? Или закатит глаза и воскликнет: «Не может быть»? Она не сделала ни того, ни другого. Она вообще ничего не сделала. Поставила чашку на стол и сказала задумчиво:

– Как, вы сказали? Из стены? Вы уверены?

– На сто процентов! – воскликнул я.

– На сто процентов, – повторила она. – Странно. Это был мужчина?..

– Мужчина, – кивнул я. – В темно-синем костюме, среднего роста, седой, выправка скорее военная…

– Странно, – повторила Лючия, и я, наконец, заметил перемену в ее взгляде: она лихорадочно о чем-то думала, пыталась быстро сообразить, что сказать, как отвести мое внимание от главного, потому что главное было вовсе не в том, о чем я сейчас спрашивал, а совсем в другом, и вот от этого другого она пыталась сейчас отвести меня подальше, и значит, мне нужно было твердо стоять на том, что… Что?

– Вы шутите? – неуверенно произнесла Лючия. Похоже, она так и не придумала, какой версии придерживаться, и сейчас тянула время, переспрашивая, отвлекая…

– Какие шутки! – воскликнул я. – Сам видел, жаль, фотоаппарата не захватил, я ведь вышел в коридор случайно, потому что… Неважно. Впрочем, освещение было слабое…

Я тоже тянул время, давал возможность Лючии подготовиться, мне вовсе не нужно было, чтобы она ляпнула какую-нибудь глупость, а потом придерживалась бы своей версии, несмотря на ее абсурдность.

– Может быть, – рассудительно сказала Лючия, – в стене есть потайная дверца, и этот… синьор был у кого-то в гостях?

– Не у кого-то, – покачал я головой. – У вас. Извините, Лючия, но это факт: человек вышел из стены в полуметре от вашей двери, я помню, там у вас стоит вешалка, такая, светло-коричневая, и еще зеркало рядом…

– Да, – сказала она, хмурясь. – Конечно. Вы меня напугали, Джузеппе. Я теперь спать не смогу спокойно. То есть… это чепуха, конечно. Думаю, вы меня просто разыгрываете.

– О нет, как я могу!

— Разыгрываете, конечно, — уверенно продолжала Лючия, видимо, приняв, наконец, решение. — Мужчин я не принимаю, потайных дверей там нет.

Это был не вопрос, а утверждение, и я не стал даже подтверждать его кивком головы.

— И вот что интересно, — сказал я. — Наши привратники… Я имею в виду Стана… то есть, Бертини и синьорину Чокки. Они спокойно относятся к этому… я-то его видел впервые, а они встречают его постоянно и даже имя знают…

— Имя? — заворожено проговорила синьора Лючия. Похоже, имя могло заставить ее…

— Балцано, — сказал я. — Вот как его зовут: синьор Балцано.

Мне опять показалось это имя знакомым. Сейчас вспомню… Нет.

Лючия улыбнулась. Облегченно вздохнула, это я мог сказать точно: именно облегченно, будто гора свалилась с ее плеч. Имя оказалось не тем, что она ждала? А какое имя она хотела… или, точнее, не хотела услышать? Положившись на интуицию, я произнес:

— Хотя было бы естественнее, если бы его звали Гатти. Джанджакомо Гатти.

Похоже, я попал в десятку. Лючия побледнела, пальцы ее задрожали, она обхватила руками чашку и сжала так, будто хотела раздавить. На меня она старалась не смотреть, но это у нее плохо получалось, потому что больше всего на свете ей хотелось именно смотреть на меня, по выражению моего лица пытаться определить, что мне известно, о чем я только догадываюсь, а чего не знаю вовсе, и о чем, следовательно, говорить ей не нужно.

— Гатти? — переспросила она. Голос звучал спокойно, все-таки выдержка у этой женщины была замечательная. — Почему Гатти?

— А почему Балцано? — пожал я плечами.

— Вы не могли бы налить мне еще чаю? — спросила Лючия и добавила: — Замечательный чай. Давно такого не пила.

Я налил. Если она надеялась таким образом сбить меня с мысли и перевести разговор, то это была напрасная попытка. Я не торопился. Мы оба отпили по глотку, и я сказал:

— Собственно, Чечилия и ее отец не знают, как этот человек здесь появляется — говорят, просто вдруг возникает… и если сопоставить это обстоятельство с исчезновением синьора Гатти второго февраля нынешнего года…

— Кто вы такой, синьор… Кампора? — бесцветным голосом спросила Лючия и поставила на стол чашку. Сейчас она готова была признать, что более гадкого по вкусу чая не пила никогда в жизни.

— Кампора, да, — кивнул я. — Джузеппе Кампора. Я бы не хотел ходить вокруг да около, синьора Лючия.

— Вы… из полиции?

— Нет. Я служил в полиции лет десять назад. Сейчас я частный детектив. Вот моя карточка.

Я вытянул из кармана картонный квадратик, протянул Лючии через стол, в руки не дал — пусть посмотрит так. Она, впрочем, и смотреть не стала, скользнула взглядом, она мне и так верила. Похоже, я не ошибся. Похоже, ей самой безумно хотелось кому-нибудь рассказать. Она не могла — то ли некому было, то ли… не знаю. Но это ее мучило.

— Вас нанял… — сказала она.

— Вы правильно поняли, — кивнул я. — Ваш муж, синьор Верiano Лугетти.

— Зачем?

— Хотите знать его версию или то, что я сам думаю по этому поводу?

— Его версию я представляю, — сказала она сухо. Пальцы ее уже не дрожали, она успела взять себя в руки, держалась теперь спокойно, мол, чего уж, если ему (то есть, мне) все известно, неясно только что каждый из нас подразумевал под этим «все». — Мне интересно, что думаете вы.

— Интересно? — переспросил я.

Она промолчала, я помолчал тоже, время тянулось, как патока, которую я терпеть не мог в детстве, я молчал, она молчала... То есть, она говорила, конечно, говорили ее глаза, что-то она сейчас мысленно проговаривала, что-то, возможно, вспоминала, что-то такое, чего нико-гда не стала бы говорить вслух, я это понимал, я не то чтобы сейчас читал ее мысли, нет, мыслей я даже не чувствовал, но видел, знал: если она начнет говорить, то расскажет все, а если помолчит еще минуту, то все в ней перегорит, и тогда ее слова будут ложью, которая ничем не поможет ни мне, ни ее мужу, ни, как это ни странно, ей тоже. Мы смотрели друг другу в глаза – так, вероятно, смотрят влюбленные, что-то было в ее взгляде от неосознанного физического желания, или мне это только казалось, потому что неосознанное физическое желание было во мне самом, она сидела так... соблазнительно?.. нет, скорее скованно, как сидят на картинах северные женщины, итальянки сидят иначе, всегда сидели, от тех, что изображал еще Тинторетто и до самых современных. Лючия отодвинулась от стола – не знаю зачем, может, для того, чтобы быть от меня подальше, и я увидел ее ноги, положенные одна на другую, она...

Не нужно, – подумал я, – не нужно отвлекаться. Она должна заговорить, иначе...

Я не шевелился. Сейчас от меня ничего не зависело. Сейчас меня просто не должно быть здесь. Где угодно. В космическом пространстве.

– Я любила Верiano, вы знаете? – произнесла Лючия, и я позволил себе едва заметно кивнуть. А может, я покачал головой? Лючия улыбнулась и отодвинула свой стул еще дальше, теперь я видел и ее туфельки – не новые, я раньше не обращал внимания, очень модный фасон, но туфельки были уже потертymi, может, Лючия не любила часто менять обувь, а может, у нее просто не хватало денег, чтобы...

– Мы встретились, когда я писала диссертацию, а Верiano... впрочем, вам это, должно быть, не интересно.

Историю их любви я уже слышал вчера и не прочь был бы услышать новую версию, возможно, это помогло бы что-то понять, возможно, нет, но продолжать эту тему Лючия не стала.

– Вам это не нужно, – вздохнула она. – Вас совсем не то интересует... То есть, не вас, а Верiano... Я никогда бы от него не ушла. Но я не могла поступить иначе.

Я пошевелился, показав движением плеч, что, во-первых, всегда есть возможность выбора минимум из двух вариантов, а во-вторых, если уж она начала рассказывать, то не нужно перескакивать с предмета на предмет.

– Я не могла поступить иначе, – повторила она. – Я его люблю... Верiano, да. И потому должна была уйти.

Странная логика. Если это вообще можно было назвать логикой. Ушла, потому что любила? Хорошо. Значит, была причина. Кто-то угрожал убить ее любимого Верiano, если она его не бросит... Какие идеи... Мыльная опера. Бред.

– Видите ли, Джузеппе, если бы я не ушла... Простите, – неожиданно прервала она себя и подняла на меня изучающий взгляд, что-то она хотела во мне понять, а может, наоборот – хотела, чтобы я без лишних вопросов понял что-то в ней, – простите, но вы, наверно, не большой знаток космологии...

Не большой знаток – это точно. Я изобразил заинтересованность, даже наклонился немного вперед, но рта, конечно, не раскрыл, нельзя прерывать рассказ...

– Вы что-нибудь прочитали после того, как Верiano... Какие-то его работы? Или хотя бы популярные статьи по современным космологическим теориям?

– Да, – коротко сказал я. Конечно, прочитал. Вообще-то, если верить современным теориям, Большой взрыв мог устроить кто угодно – Чингисхан, фараон Рамзес III, Мата Хайрес, Грегори Пик, президент Ельцин или... да, Лючия Лугетти, в девичестве Синимберги. И я тоже мог, хотя, признаюсь, мне это и в голову не приходило, поскольку до сегодняшнего дня я и не подозревал о такой возможности, существовавшей, скорее всего, в разгоряченных головах современных космологов с их психофизическими квантовыми функциями.

– Да, – повторила она и покачала головой, то ли принимая мой ответ к сведению, то ли не соглашаясь. Хотел бы я знать, что понимала в работах мужа сама Лючия с ее филологическим образованием. Неужели, выйдя замуж за Верано, она изучила математику так, чтобы разбираться в формулах квантовой космологии, и тихими семейными вечерами они не о литературе разговаривали и не о сексе, а об этой... инфляционной теории... и об эмуляциях, в одной из которых мы, возможно, живем... хотел бы я знать, какое отношение инфляция, о которой только и слышишь каждый день по радио и телевидению, имеет к разбеганию галактик и семейной жизни супругов Лугетти.

– Значит, вы понимаете, что если я и могла устроить этот взрыв, то совершенно не представляя последствий и... мне в голову не приходило... Честно говоря, я только недавно сопоставила... но и сейчас вовсе не уверена...

– О взрыве поговорим потом, – услышал я чей-то голос и не узнал его. Конечно, это говорил я, но почему-то слышал себя будто со стороны, так слушаешь и не узнаешь свой голос, записанный на диск. – Давайте пройдемся по внешним обстоятельствам. Поймите, ваш муж обвиняет вас... Да, вы знаете. Значит, нам с вами нужно найти аргументы, которые позволили бы эти обвинения... ну, дезавуировать.

Лючия вздохнула.

– Хорошо, – сказала она и сложила ладони на коленях, плотно сдвинула ноги, приняла позу, которую психологи называют закрытой, – хорошо, я вам расскажу, как это... Может, тогда вы поймете...

Лючия бросила взгляд на остывший уже электрический чайник, я налил ей в чашку теплого чая, положил две ложечки сахара, она поднесла напиток к губам, ей сейчас совсем не важен был вкус или аромат, ей просто хотелось ощутить во рту теплую сладкую жидкость, потому что в горле пересохло, я ее хорошо понимал...

Она допила чай, поставила чашку на стол, и ровно в ту секунду, когда она открыла рот, чтобы произнести первую фразу, в коридоре раздался грохот, что-то упало, покатилось, потом затихло, и в наступившей тишине я услышал чей-то стон, перешедший в хрип.

Лючия не пошевелилась. Она смотрела мне в глаза, и ее взгляд заставлял меня оставаться на месте. «Подожди, – говорила она, – не нужно бежать на помощь, подожди, сиди, как сидишь»... В коридоре происходило что-то, во что я обязан был вмешаться, там кого-то то ли убивали, то ли уже убили, человек умирал, в происхождении звуков не было никаких сомнений, а я сидел, сжав кулаки, смотрел в глаза Лючии и ничего не мог с собой поделать. Я понимал, что здесь не было никакого гипноза, гипнозу я вообще не поддавался, это было много раз проверено, и взгляд Лючии был совсем не гипнотическим – ее взгляд был молящим, она просила меня не вмешиваться, взгляд ее был так же красноречив, как если бы она говорила, бросившись передо мной на колени: «Не ходи туда, сейчас не ходи, может, через минуту, но не сейчас, пожалуйста...»

Я встал, обошел стол и медленно направился к двери, спиной ощущая притяжение, будто кто-то схватил меня сзади за рубашку.

Я открыл дверь и выглянул в коридор. Что или кого я ожидал увидеть? Точно могу сказать: я думал, что увижу лежащего на полу синьора Балцано, не знаю, почему именно его... но в коридоре никого не было.

Лючия стояла за моей спиной и дышала в затылок.

– Не выходите, – сказал я и медленно пошел в сторону лифта, внимательно глядя по сторонам и под ноги. Дойдя до лифта, повернулся обратно – Лючия застыла в дверях моей квартиры и смотрела не на меня, а в стену напротив.

– Никого? – спросила она.

– Никого, – подтвердил я. Действительно. Но ведь мы оба слышали шум падения и характерный, хорошо мне знакомый хрип, издаваемый раненным человеком. Тяжело раненным.

Смертельно. Я еще раз прошел до лифта и обратно, посмотрел на световое табло – лифт сейчас стоял на пятом этаже, он там стоял и тогда, когда я вышел в коридор. На полу не было пятен крови, даже капли. И из стены восьмой квартиры, конечно, никто не появился.

Я втолкнул Лючию в комнату, запер дверь на ключ, жестом попросил ее сесть, сам сел напротив и сказал коротко:

- Рассказывай.
- Но ты же не...
- Рассказывай, – повторил я. – Верю я или нет, разберемся потом.
- Но ты не...
- Я не буду тебя перебивать.

Похоже, мы сейчас понимали друг друга с полуслова. Лючия пересела на короткий диванчик, поправила юбку, я хотел присесть рядом, но не стал этого делать, на диванчике было слишком мало места, пришлось бы касаться ее коленями, а мне это сейчас... нет, мне хотелось, мне, честно говоря, больше всего хотелось сейчас прижать женщину к груди, гладить по спине, вдыхать запах ее волос... она не сопротивлялась бы, она и большему не стала бы сейчас сопротивляться, но именно поэтому я остался сидеть, только передвинул стул так, чтобы лучше видеть и слышать. «Она жена твоего клиента, – сказал я себе. – Возьми, наконец, себя в руки и не делай глупостей».

- Чай? – спросил я.
- Не надо, – покачала головой Лючия. – Можно лучше сока?

Я налил ей апельсинового в ее чашку, и она отпила несколько глотков, а потом на протяжении всего рассказа (я действительно ни разу ее не перебил) держала чашку в руках, будто тяжелую трость, помогающую сохранить равновесие.

* * *

Я познакомилась с Джанни... с Джанджакомо Гатти тривиальным способом. Сейчас многие так знакомятся – вроде бы случайно, вроде бы и нет... В Интернете. Позапрошлой осенью получила по электронной почте письмо, которое посчитала спамом и хотела, не читая, сбросить в корзину. Отправителя я не знала, а тема письма была такая: «Чтобы понять прошлое, надо знать будущее». Согласитесь, типично для всяких... астрологов, предсказателей... кто-то рассыпает свои адреса в надежде, что найдется простак... Я уже поднесла палец, чтобы нажать клавишу «это письмо – спам», но какое-то шестое чувство... Хотела ли я понять собственное прошлое? Определенно – нет, мне тогда казалось, что с прошлым у меня все ясно. А с будущим? Если честно, мне и будущее знать не хотелось, потому что... Неважно. Я жила настоящим – большинство женщин живет только настоящим, что бы они ни говорили.

Но вместо того, чтобы пожаловаться на спам, я перенесла палец (он как-то сам двигался в тот момент) и открыла письмо, оказавшееся совсем не таким, как я ожидала. Настолько не таким, что я его не только прочитала, но сразу же и ответила, а это мне вовсе не свойственно, обычно я обдумываю письма несколько дней, люблю писать обстоятельно, даже если это пустая болтовня – вроде той, что я пишу... писала Армонии, это моя подруга детства... И не хмурясь, Джузеппе, ты сейчас подумал, что это твой прокол, да? Не нашел подругу... Неважно, к этой истории Армония не имеет отношения, мы с ней уже лет пять не виделись, я даже не знаю, в Риме она или уехала куда-нибудь... Да, я о письме... Ты меня не перебиваешь, но у тебя такой выразительный взгляд, и мимика тоже такая... говорящая, что ли... мне все время кажется, будто ты не даешь мне слова сказать... Ладно, я понимаю, просто не буду на тебя смотреть, хорошо? Не думай, что я прячу взгляд, это совсем не так...

Да, письмо... С тех пор я его столько раз перечитывала, что давно запомнила наизусть, я и другие письма – не все, конечно, – прекрасно помню, мне не нужен компьютер, чтобы их

цитировать. «Уважаемая синьора Лугетти, – было написано в письме, я еще удивилась, откуда этот не известный мне синьор Гатти знает мой электронный адрес, – обратиться к Вам с письмом меня заставили чрезвычайные обстоятельства, и потому я надеюсь, что Вы не сочтете мое к Вам обращение слишком назойливым. Ваше имя и адрес любезно сообщила мне поисковая система Googlyn, когда я задал вопрос о том, кто в Италии занимается литературой раннего Средневековья. Я прочитал Ваши статьи о творчестве Дантини, и они произвели на меня впечатление, хотя я человек от литературоведения далекий. Вопрос, который меня волнует, возможно, покажется Вам не связанным с литературой, но подумайте, прежде чем отправить мое письмо в корзину: как должен чувствовать себя человек, сумевший прожить все без исключения варианты своей жизни – все возможные ее варианты от рождения до смерти? Это вопрос физический, на самом деле, но имеет прямое отношение к литературе и к истории, поскольку именно литература отражает те реальности, в которых мы могли бы жить, и потому без литературы физика мертвa, как, впрочем, и литература без физики, подсказывающей писателю те картины, которые он описывает, воображая, что выхватывает из собственной изощренной фантазии...»

Там было еще несколько абзацев в таком же духе, но новой мысли они не содержали, синьор Гатти просто пытался иными словами объяснить мне то, что я прекрасно поняла из первых его слов. Все-таки муж у меня физик, и замечательный, я всегда считала, что ничего не понимаю в космологии, но когда живешь с человеком... когда каждый вечер слушаешь его рассказы о том, что происходило в университете, а в университете не одни только склоки между сотрудниками, довольно часто они и делом занимаются... В общем, на втором уже году нашего брака я умела отличать Большой взрыв от Большой туманности в Андромеде, а инфляционную модель расширения от экономической инфляции. Я серьезно. Эмуляционные теории тогда только входили в моду, о них даже по телевидению рассказывали... Мол, ученые вдруг поняли, что не знают, живем ли мы в реальной Вселенной или в одной из бесконечного числа ее эмуляций... копий, если по-простому...

Правда, и Верiano, бедняжка, вынужден был слушать мои истории о том, как Геносси подложил свинью Бертолуччи, не тому, который режиссер, а нашему молодому доценту.

К чему я это? Да. Не известный мне синьор Гатти хотел знать, как я, филолог, отношусь к идеи эмуляционных вселенных, и верю ли я, что, описывая свои фантазии на страницах романа, автор на самом деле рассказывает не о воображаемом мире, а о реальном, но принадлежащем другой вселенной, другой чуть измененной копии, другой эмуляции того, что могло бы случиться с нами, но случилось с нашим двойником в мире, о котором мы никогда не узнаем?

Такая постановка вопроса показалась мне любопытной. Мы с Верiano часто об этом говорили: что литература и физика описывают огромное количество событий, которые в жизни не происходят и не произойдут. В своем письме странный синьор Гатти рассуждал почти о том же, но, по сути, совсем о другом: все придуманное литератором, любой плод его воображения на самом деле не является фантазией, а точно описывает реальные события, но не в нашем мире, а в другом... в другой эмуляции мироздания...

Мне это показалось интересным, а еще более интересным показался синьор Гатти – понятно, прежде чем ответить, я набрала это имя в поисковике и выяснила, что Гатти – не вымышленная фигура (если, конечно, неизвестный спамер не воспользовался именем живого человека), о нем было довольно много информации: ученый, историк. Работал в Кремоне, Риме... Но после 2002 года информации о нем не было никакой. Уволили? Сам ушел? Мне стало любопытно. И я ответила. Да, синьор, очень интересно то, что вы пишете, об этом я тоже думала, но подобное предположение представлялось мне чем-то... абстрактным что ли. Однако, почему не обсудить, если у вас есть на этот счет свои мысли.

Новое письмо от синьора Гатти пришло минут через десять – можно было подумать, что он заранее его подготовил. Иначе трудно было объяснить, как он мог так быстро настроить

две страницы текста, не сделав ни одной ошибки – уж я-то встречалась с такими речевыми оборотами в сети, что хоть стой, хоть падай… Правда, не грамотность поразила меня в тот момент, о грамотности я вспомнила потом, а тогда была шокирована… нет, шокирована – не то слово, при всей его точности оно все-таки имеет отрицательную коннотацию… поразила, пусть будет так… странная особенность синьора Гатти то ли читать мои мысли, то ли думать в унисон с ними, это меня всегда изумляло в людях, иногда в собственном муже, но довольно редко… Я тогда занималась проблемой тождества и отличия литературного и реального мира. Не в том смысле, о каком писал синьор Гатти – у меня речь шла о том, что, замечая и отмечая разницу между литературным и реальным мирами, читатель вынужден задумываться над тем, как он живет… Неважно. Я давно той темой не занимаюсь… В ту же ночь послала синьору Гатти еще одно письмо и стала ждать, полагая, что, если он в первый раз написал мне за десять минут огромную эпистолу, то сейчас… Он ответил через три дня, и – ты не поверишь, Джузеппе, – я вся извелась, ожидая его письмо. Три дня я думала только о том, что где-то кто-то обдумывает… а может, вовсе и не обдумывает, уже забыл и думать… Помню, мы тогда впервые за многие месяцы поцапались с ВерIANO – он решил задачу, которая долго не поддавалась, и на радостях захотел отпраздновать победу в ресторане, а я, понятно, должна была его сопровождать. Настроения у меня не было, я сказала «не пойду», он обиделся и ушел сам… может, по дороге подцепил кого-то, не знаю… я осталась сидеть перед компьютером, и в тот вечер действительно пришло письмо от синьора Гатти. Он даже не вспомнил о том, что молчал три дня, впечатление было таким, будто для него прошли не три дня, а десять минут…

Так оно и началось. Мы писали друг другу. Мы всего лишь писали друг другу. Я и сейчас понятия не имею, как он выглядел, как он разговаривал… этот мужчина, через какое-то время я воспринимала его именно как мужчину… ну, ты понимаешь, а если нет, то это и значения не имеет. То есть, для тебя, для твоего расследования это, возможно, и не имеет значения, а для меня значило очень многое. Как тебе объяснить? Я любила ВерIANO. Я и сейчас его люблю! Что бы он ни говорил обо мне, я… Но через какое-то время я поняла, что люблю синьора Гатти. Джанджакомо. Джанни. Постепенно мы так и стали называть друг друга: я его – Джанни, он меня – Лю. Мы перешли на «ты» довольно быстро, а потом в его письмах все чаще стали появляться слова «дорогая», «нежная», «прекрасная»… как в письмах любовников, и каждое слово для меня означало нечто вполне определенное: скажем, если он писал «дорогая Лю», я сразу представляла себе, как мы уютно расположились в густых зарослях травы, я лежу на спине и смотрю на высокие кроны деревьев, а он… Ну, ты понимаешь. Неважно. Каждое слово стало кодом, и, скорее всего, только для меня обозначало именно то, что я при этом видела и ощущала, а для него «дорогой Джанни» означало визуально нечто совсем другое, я подозреваю, что у мужчин иные представления о том, что должно происходить при ассоциации с этим словом…

Но я тебе о внешнем, а на самом деле в наших письмах шла такая серьезная внутренняя работа… работа мысли, души, интеллекта, разума, интуиции, инстинктов… Мы говорили о литературе, а потом об истории, а потом о физике, а потом о физике в истории и литературе, литературе в физике, о мироздании, в котором история заменяет физику, физика – литературу, а литература – физику, о мире, в котором человек познает действительность не с помощью физических экспериментов, а с помощью литературных фантазий и исторических аллюзий… Непонятно, да? С таких вот экзерсисов началось наше с Джанни движение к тому… ну, к тому, что ВерIANO называет преступлением… Объясню подробнее. Скажем, ты узнал о том, что сосед завел роман с замужней женщиной, живущей этажом выше. Когда ее муж уходит на работу, она звонит соседу… Ну, ты понимаешь. То есть, не то чтобы понимаешь, скорее наоборот, тебе такое поведение женщины неприятно, ты хочешь понять причину… Но не идешь к ней с вопросом, нет, ты пишешь рассказ об этой истории и, согласно твоему мировоззрению, делаешь у рассказа тот финал, который лично тебе представляется наиболее есте-

ственным. Назавтра, подумав и оценив ситуацию по-новому, пишешь новый рассказ с теми же персонажами, но с другим финалом, а потом – с третьим, поскольку оба первых тебе уже представляются неубедительными. Это сильно напоминает физические эксперименты, в которых экспериментатор воздействует на объект какими-нибудь лучами и всякий раз получает немного другого результат! Там ученый пытается познать физическую реальность, а здесь – в рассказах – ты хочешь осознать реальность житейскую, которая по сути от физической отличается только объектами, над которыми ставятся эксперименты… Ты скажешь: «Физик реально бомбардирует свою элементарную частицу, а я всего лишь описываю собственные представления». На самом деле это одно и то же, к такому решению мы с Джанни пришли довольно быстро, собственно, у нас и спора не возникло. Конечно, литературный эксперимент приводит к тому же, в принципе, результату, что и физический – в мире происходит нечто, соответствующее или не соответствующее твоему о нем представлению, ты меняешь свое представление, или мир меняется согласно твоему о нем представлению – неважно, все ведь относительно. Как бы то ни было, на каком-то этапе физического или литературного эксперимента получается так, что описание совпадает с реальностью, ты говоришь: «Вот правда!» и фиксируешь эту найденную тобой правду, предлагая именно ее читателю – неважно чего: литературного альманаха или физического журнала.

Так мы писали друг другу, и уже не могли жить без наших писем. Как только я оказывалась у компьютера, то сразу проверяла, нет ли письма от Джанни, и он, конечно, поступал так же, хотя со временем я, конечно, узнала – он сам написал мне, – что никуда от компьютера и не отходит, потому что отойти не может и не хочет, у него проблема с ногами, он сидит в инвалидной коляске… Ты знаешь, ни у меня, ни у него даже желания не возникало узнать, где, собственно, каждый из нас обретается – я могла предположить, что Джанни живет в Антарктиде, а он мог думать, что моя квартира – в Китае или Японии. А то, что мы подписываемся итальянскими именами… Ну, что такое электронная подпись… Если ты спросишь, как выглядел Джанни, я его опишу, но ты не сможешь составить по этому описанию даже фоторобота, потому что к реальности мои представления могут не иметь никакого отношения. Хотя… мне все-таки кажется, да что там, я просто уверена, что воображала себе Джанни именно таким, каким он был на самом деле.

Прости, я употребила глагол не в том времени, как нужно, и ты вздрогнул, я сказала «был», но это не значит… Для меня Джанни действительно был, потому что, исчезнув второго февраля из сети, он перестал существовать… Мы с Джанни жили более чем реальной жизнью в мире, который всякому другому представляется иллюзорным, воображаемым, виртуальным. Для нас мир компьютера, Интернета, мир слов, писем, был настоящим, а все остальное – как придуманное… Возможно, я плохо объясняю. Наверно, тебе кажется, что объясняю я совсем не то, что нужно. Потерпи. Уверяю тебя, Джузеппе, я ни на йоту не отклонилась от темы, я только стараюсь, чтобы ничего не было упущено, а для этого важнее всего – понять, в какой реальности мы с Джани жили эти месяцы…

Я переходила из мира наших писем, где испытывала все чувства, ощущения, страсти, какие может испытать живой человек, женщина, в мир, столь же реальный, но по-другому – где был мой муж Верiano, с которым мы вместе ужинали, рассказывали друг другу новости, ездили в оперу, в гости, гуляли, ложились в постель и занимались сексом, и, уверяю тебя, то, что я испытывала в минуты близости, было для меня не более реально, чем то, что я ощущала, читая письмо Джанни, в котором он сообщал, что сам съездил в магазин, чтобы купить новый плеер, а потом писал, что в принципе невозможно понять, в каком мире мы живем на самом деле – реальном физическом, материальном, жестком, или в мире описаний, в мире, существующем только потому, что его эмулировала Точка «Зет», о которой пишут космологи, в том числе Верiano.

И если они правы, нам придется отвечать за собственные поступки, не только уже совершенные, не только те, что мы задумали, но пока не совершили, но и за те, которые в принципе возможны, но, как нам кажется, никогда совершены не будут. Разве ты никогда не думал о своем враге: «Чтоб ты сдох, проклятый»? Не воображал, как сбрасываешь его в пропасть или наезжашь на него колесами автомобиля? Ты думаешь, что это игра воображения. Но все, что возможно в принципе, осуществляется – в другой эмуляции. Все, что в принципе невозможно, осуществляется тоже, и ничего с этим не сделать, кроме как...

Я сейчас перейду к этому «кроме», Джузеппе, и ты поймешь, что имел в виду Верiano, когда говорил тебе... Давай я буду последовательно... Хорошо? Не перебивай меня, пожалуйста. Да, ты меня все время перебиваешь своим взглядом, не смотри на меня, смотри... скажем, на эту чашку. Вот так.

Однажды мы с Джанни разговаривали о том, как жили раньше. До нашей встречи. Мы часто вспоминали прошлое – нам казалось, что в прошлом мы скрывались от будущего. Вспомнили, как в начале девяностых случайно оказались в один вечер на премьере в опере, давали «Полиевкта» Доницетти, это мы оба помнили одинаково, а остальное... Тенор, как я помнила, не взял в первом акте верхнюю ноту, и свет в антракте зажегся при гробовом молчании зала, а Джанни уверял, что тот же тенор на том же спектакле взял ноту великолепно, и ему устроили в конце акта овацию, трижды вызывали на сцену... Понятно, сначала мы решили, что это были разные представления, сравнили числа... нет, это было в один вечер, у меня даже программка сохранилась, я всегда их храню, люблю время от времени перебирать... Джанни, конечно, программку не сохранил, билета тоже, доказать он ничего не мог, но нашел запись в дневнике... да, именно за то число. Более того, мы одинаково помнили, как перед началом спектакля одному из зрителей в первых рядах партера стало плохо, это был седой старик, он стал задыхаться, и его вывели... мы оба это помнили, и не могло же такое произойти на двух представлениях подряд... то есть, могло, конечно, но так мало вероятно...

Когда мы об этом вспоминали, Джанни сказал мне, что мы, скорее всего, живем в разных эмуляциях. Я уже знала, что это такое, Верiano мне столько раз объяснял... «Нет, – написала ему я, – это невозможно». «Но это, по-видимому, так, – ответил Джанни. – И с этим придется смириться». «Нет! – сказала я. – Никогда».

* * *

– Я не перебивал тебя, верно? – сказал я, когда Лючия неожиданно замолчала – наверно, чтобы перевести дух. – Я даже старался на тебя не смотреть, хотя это было трудно: знаешь, довольно часто приходится смотреть человеку в глаза, чтобы понять, насколько он...

Я помедлил.

– Насколько он адекватен, – закончила Лючия. Она уже долгое время сидела в одной и той же позе: прямая, напряженная спина, руки вытянуты, ладони на коленях, взгляд... о взгляде я ничего не мог сказать, потому что смотрел искоса, стараясь не сбить ее с мысли, если у нее сейчас была в голове какая-то мысль. Ясно мне было одно: этот Гатти хорошо с Лючией поработал. Мне были известны случаи Интернет-помешательства, не много, но я хорошо их запомнил. Первый такой случай (о нем мне рассказал Иво Кабайно из третьего округа) показался мне невероятным, но детали, изложенные Иво, не оставляли места для сомнений. Начинается все с переписки, с чатов, с невинного общения, а потом одна сторона привлекает психологические приемы, известные техники, вторая сторона подпадает под словесный гипноз, теряет себя, начинает в реальной жизни поступать неадекватно... только зачем это было нужно синьору Гатти, вот вопрос. И если еще учесть, что Гатти таинственным образом исчез из собственной квартиры, а Лючия некоторое время спустя учинила скандал своему любимому мужу и ушла из дома... Точно – без «Интернет-наркоза» не обошлось.

– Насколько он адекватен, – повторил я. – Ты сказала.

– Ты думаешь, – медленно произнесла Лючия, – что я все еще нахожусь под психологическим воздействием Джанни?

– Ты сказала, – еще раз повторил я.

– Возможно, – сказала она, подумав. Умная женщина.

– Знаешь, Джузеппе, – продолжала Лючия, – я и не надеялась, что ты все сразу поймешь. Но ты хоть веришь, что это правда?

– Что именно? – осведомился я. – Переписка с синьором Гатти или предположение о том, что мы и весь этот мир на самом деле всего лишь компьютерная программа, которая…

– Послушай, – воскликнула она, – конечно, ты ничего не понял!

– Куда мне… – вздохнул я. – Кстати, хочешь еще чаю? И… Ты говорила, у тебя свидание?

Я не хотел, чтобы она сейчас поднялась и ушла. Но еще меньше мне хотелось, чтобы Лючия обвиняла меня в том, будто я оказывал на нее давление, мешал делать то, что она считала нужным… в общем, вел себя не как мужчина, а как следователь.

– Свидание? – удивилась она. – С кем? Я просто… Послушай, ты действительно не видел никого в коридоре, когда…

– Не видел, – я покачал головой. – Там никого не было. Даже синьора Балцано.

Лючия пропустила это имя мимо ушей.

– Нет ничего глупее, – сказала она, – чем думать, что мы с тобой всего лишь компьютерные программы.

– Из твоего рассказа… – начал я.

– …Это вовсе не следует, – закончила она. – Эмуляция – не программа. Это физическая реальность, только сконструированная… Хорошо, налей чаю. У меня в горле пересохло. И мысли путаются. И вообще, я…

Она не закончился фразу, мне показалось, что я понял недосказанное, и я сделал вид, будто не расслышал. Поднялся и пошел в кухню, прикрыв за собой дверь. Она не уйдет, теперь она точно не уйдет, и чай выпьет, и рассказ доведет до конца – не о том, что ей наговорил синьор Гатти, а о собственной сломавшейся жизни, она уже подошла к тому, чтобы начать заново, пусть посидит в одиночестве, подумает, а точнее – почувствует, ощутит внутри себя то давление, ту силу, которая не позволит ей молчать…

Тихо щелкнул замок, и я обернулся: Лючия стояла в дверях, руки ее брезвально повисли, глаза… я бы не смог описать точно, что именно выражали в тот момент ее глаза. Должно быть, произошла интерференция взглядов – моего и ее, я не знаю, как это происходит, как назвать физический эффект, смешанный с чистой психологией, возможно, у психологов есть объяснения… Я смотрел на нее и думал… она смотрела на меня и тоже думала… и мысли наши, и ощущения, вызванные мыслями, будто две волны, сталкивались в пространстве, смешивались друг с другом, и возникало нечто, чему я не мог подобрать название, то, что попросту не существовало без нас обоих, я поставил на кухонный столик заварной чайник, шагнул навстречу Люции, она тоже сделала шаг, мы сошлись в центре кухни, как две планеты, двигавшиеся по встречным орбитам, и по правилам небесной механики должны были разойтись, как разлетаются всякий раз Земля и атакующий ее астероид… она подняла руки, не протянула вперед, а именно подняла, начала поднимать, а я всего лишь остановил это движение, и ее ладони оказались в моих, «не надо», сказала она, а может, не сказала, только подумала, а может, и не подумала, а я сказал себе сам, потому что, конечно, не надо, но мысль, какая бы она ни была, в тот момент выглядела совершенно не нужной, я отпустил ее руки и обнял за плечи, почувствовал, как Лючия напряжена, и снял это напряжение не мыслью, не словом, не ощущением даже, а чем-то, чего во мне не было раньше, каким-то движением, силой, о присутствии которой в себе не подозревал. Ее плечи стали мягкими, хотя как это могло быть? Она подняла голову, и мы, наконец, по-настоящему посмотрели друг другу в глаза. «Не надо», – теперь это точно

сказала она. «Конечно, нет», – согласился я. Ничего и не было – мы просто стояли посреди кухни, я просто держал Лючию за плечи, она просто смотрела на меня и рассказывала о себе такое, чего мне знать, скорее всего, и не нужно было.

Самое странное, что я все понимал, хотя не было произнесено вслух ни одного слова. И не нужно говорить мне, что это телепатия. Не существует никакой телепатии, мысль через пространство не передается. Я все понимал, да, но если бы меня попросили описать словами то, что мне в тот момент было понятно, я не смог бы этого сделать.

- Ты боишься возвращаться к себе? – спросил я.
- Да, – ответила она.
- Из-за него?
- Да… Нет. Я не его боюсь.
- Балцано… Это Гатти?

Она отпрянула. Похоже, я сморозил глупость. Попытался перевести свое понимание в слова, и оказалось, что это невозможно, словами можно сказать совсем не то, что понимаешь, даже наоборот, ты понимаешь нечто, а когда начинаешь говорить, то понимаешь, что ничего так и не понял… То есть, на каком-то уровне восприятия понимание существует, но когда вынужденно переходишь на другой, словесный уровень, то ничего не получается, твое понимание остается там, в глубине, не желает идти за тобой следом, и лучше промолчать, чтобы сохранить…

Я так и сделал, но момент был упущен. Лючия высвободилась из моих не очень крепких объятий, поправила волосы и села на краешек кухонного табурета.

Чайник закипел, я принес из гостиной чашки, налил заварку (какие уж тут чайные церемонии…) и воду из чайника, поставил на столик сахарницу, тарелочку с вафлями, я делал все нарочито медленно, чтобы дать Люции время прийти в себя… после чего? Что произошло между нами? Она сидела с закрытыми глазами, но, казалось, все прекрасно видела – протянула руку и безошибочно нашла свою чашку, взяла ее за ручку и поднесла к губам.

- Осторожно, – сказал я, – кипяток.
- Она сделала глоток, поставила чашку на столик (не открывая глаз) и тихо произнесла:
- Я помню совсем другой мир. И это ужасно.
- Я молчал.
- После того, как он ушел, – сказала Лючия, – я думала, что остались хотя бы письма. Это была моя жизнь. Ты не понимаешь… Я так жила эти месяцы… Письма исчезли. Как? Почему? Только последние – я послала ему в тот день… и получила ответ.
- Ты никогда с ним не встречалась.
- Мы встречались каждый вечер, – сказала она. – Бывало, несколько раз в день. Он ждал меня всегда, и я приходила к нему так часто, как только могла.
- Да, – сказал я. – Там… А в реальной жизни…
- Что такое реальная жизнь, Джузеппе? Мы жили реальной жизнью. Разве я не по-настоящему волновалась, когда его как-то не было целый день, и я чего только не передумала, а когда его положили в больницу, нужно было провести обследование, вроде бы стандартная процедура, но Интернета там не было, и я три дня не находила себе места, мы поссорились с Вериано, он не понимал, я не понимала тоже, но так было…
- У него не было телефона?
- Мы никогда не разговаривали по телефону.
- Ты не приезжала к нему?
- Мне это и в голову не приходило. Это бы все разрушило.
- Вы могли назначить встречу в… ну, скажем, в кафе.
- Ты смеешься, Джузеппе?
- Фотографии…

– Мы не обменивались фотографиями.

– В Интернете можно найти...

– Моих фотографий там нет, уверяю тебя. И его тоже.

Это было так, я пытался искать в сети фотографии синьора Гатти, но во всех поисковиках получал один и тот же текст: «Нет ни одного документа». Не было Гатти даже на коллективных фотографиях студентов университета или его работников...

Это было более чем странно, но меня интересовало другое. Мне почему-то показалось, что совсем недавно Лючия сказала нечто очень важное. Но я не мог понять – что именно. Фотографии? Нет, не фотографии. Телефонная связь? Тоже нет. Что-то...

– Точка «Зет», – сказал я. – Ты думаешь, что мы сейчас... не существуем на самом деле? Что мы всего лишь порождение этого бесконечно сложного мироздания...

Она протянула руку и положила ладонь мне на колено. А я прикрыл ее ладонь своей.

– Ты чувствуешь? – сказала она.

Я поднес ее ладонь к губам и поцеловал. А потом поцеловал каждый палец. Потом стал целовать тыльную часть ладони, поднимаясь по руке, и все сильнее наклонялся вперед, и она наклонялась тоже – в конце концов, мы столкнулись лбами, оба рассмеялись, и что-то произошло, какая-то сила возникла в воздухе, сила притяжения, подтолкнувшая нас друг к другу, иначе с чего бы пространство между нами исчезло, и время тоже остановилось... если что-то и происходило, то я не стану это описывать, и вовсе не потому, что к проблеме моего рассказа это не имеет никакого отношения. Имеет, конечно. Но я просто не смогу этого описать, потому что не умею описывать словами то, что происходит вне времени и пространства. Никто не умеет, даже если уверен в обратном.

– Ну вот, – сказала Лючия. – Чай совсем остыл. Вылей его и сделай новый. Так пить хочется.

Мне тоже хотелось пить. И еще мне хотелось... Мне многое хотелось в тот момент, причем желания были прямо противоположны друг другу, и потому я заставил себя отпустить Лючию, которую все еще продолжал сжимать в объятьях, и принялся готовить чай.

Лючия пересела на скамеечку, стоявшую у двери, сложила руки между колен и стала такой домашней, простой, такой близкой, что у меня заныло под ложечкой...

Я отвернулся и минут десять занимался только чаем, не позволяя себе оглядываться. Думал, конечно – не о том, что сейчас произошло вопреки всем моим правилам поведения с клиентами и, тем более, с подозреваемыми, а о словах, сказанных Лючией перед тем, как...

– Почему? – спросил я, разлив чай по чашкам, поставив чашки на поднос и только после этого обернувшись, наконец, к Лючии. – Почему ты это сделала?

– Почему я ушла от мужа? – переспросила она.

– Нет. Почему ты устроила тот взрыв. Двадцать три миллиарда лет назад. Создала эмуляцию, в которой мы живем. Твой муж нанял меня, чтобы узнать: зачем ты так поступила. Мотив.

– Мотив, – повторила Лючия. – Знаешь, Джузеппе, он совсем сумасшедший, я имею в виду Верiano. Мотив ему важен. А как я это сделала, его, значит, не интересует?

– Это интересует меня, – сказал я. – А твой муж считает, что ему это и так известно. Вот бред, верно? Сидят двое взрослых людей и выясняют, для чего один из них устроил взрыв двадцать три или сколько там миллиардов лет назад. Судя по твоему рассказу, я понимаю, что это был акт отчаяния, да? После того, как Джанджакомо исчез... Я просто рассуждаю, ничего такого...

– Ты не можешь себе представить, – сказала Лючия и поставила на пол пустую чашку. – Я знала все его пароли в сети, все наши адреса, у нас там был свой дом, свой мир, где я жила последние месяцы, мы с Джанни не просто общались, мы... люди не могут быть так близки в этом мире, как мы с ним были близки там... Нет, «там» – неправильное слово. Скорее «там» было для меня – дома, с Верiano, он видел, конечно, какой я стала, и, наверно, кое-что даже

понимал... не знаю. Судя по тому, в чем он меня обвинил, думаю, он понимал гораздо больше, чем мне тогда казалось. Я... думала, что умерла. Помню: сидела перед экраном, читала последнее письмо Джанни...

– Ты можешь мне его показать? – быстро спросил я. – Возможно, вместе мы поймем...

Лючия посмотрела мне в глаза. «Что значит – вместе? – спросила она. – Вместе я могу быть только с ним, а его нет. Если хочешь, я лягу с тобой в постель, но все равно мы не будем вместе, тем более»...

– Я хотел сказать – вдвоем, – поправился я, хотя ни слова вслух сказано не было.

Лючия кивнула.

– Могу, – сказала она. – Только это другое письмо.

– Нет, я хотел именно последнее...

– Последнее, да, – кивнула она. – Но не то.

– Так последнее или нет?

– Последнее, – сказала Лючия. – Ты все еще не понимаешь.

– Нет, – сказал я.

Я прошел мимо нее в комнату и взял с дивана ноутбук. Когда я вернулся в кухню, Лючия сидела за столом и пила чай из моей чашки. Чай, должно быть, опять остыл, Лючия морщилась, но упрямо допила эту бурду, пока я подключал компьютер.

– Вот, – сказал я, встал за ее спиной и, помедлив секунду, положил руки ей на плечи. Лючия, похоже, и не заметила этого. Мне хорошо было видно, на какие клавиши она нажимала, память у меня хорошая, я, естественно, запомнил все пароли и повторил их мысленно, пока на экране всплывало изображение: комната в городской квартире, нарисованная в стиле современного примитивизма – не фотография, но и не рисунок, и вроде бы даже не компьютерная графика. Что-то от того, другого и третьего. Как бы то ни было, возникло ощущение, будто не картинка, а я сам стал другим, не таким, каким был минуту назад, что-то во мне разладилось, или, наоборот, пришло во взаимное соответствие, я – или это была Лючия? – протянул руку и взял лежавшее на прочном дубовом столе письмо в раскрытом конверте. Это была моя рука? И была ли это рука вообще?

Письмо само собой раскрылось, развернулось, заполнило экран...

«Милая Лю... Сегодня такой хороший день, я начал новую работу, о которой мы столько говорили в последнее время. Ты была права, я долго тянул, но ты же меня знаешь: мне нужно было все понять, все... нет, не рассчитать, с расчетами у меня, как у всех историков-гуманистариев сложные отношения, да, к тому же, от расчетов, от чисел, от математики не так много зависит на самом деле, все решают эмоции, намерения и наша память, которой очень непросто управлять, я думал, что и вовсе невозможно, но ты меня переубедила – не логикой, конечно, твои эмоции взяли верх над моими, передались мне, теперь я чувствую не просто, как ты (как ты я чувствую давно, ты знаешь), я волнуюсь, как ты, боюсь, как ты, я...

Ладно. Ты это и сама знаешь. Я начал. И дальше – как договорились. Я буду посыпать тебе последнюю строчку из написанного за день. Это пунктир, по которому ты будешь идти следом за мной. Как камешки, которые разбрасывал Мальчик-с-пальчик, когда его несла по лесу неодолимая сила... Людоед? Видишь, что-то уже начинает происходить, хотя я и написал-то всего пару страниц. Но уже не помню, кто это был. Может, людоед. Зачем людоеду похищать тощего и невкусного мальчишку? Нет, что-то здесь не то, я чувствую.

Если мир меняется, то я прав, и мы с тобой будем...»

– Это все? – спросил я, потому что дальше страница не прокручивалась, предложение оборвалось, текст был не законченным, и мне почему-то остро, просто невыносимо захотелось узнать, что имел в виду синьор Гатти, когда начал фразу «мы с тобой будем». Где будем? Что будем? Мы с тобой...

— Это все, — повторила Лючия и запрокинула голову, уткнувшись затылком мне в грудь, я наклонился и поцеловал ее в лоб, она вздохнула, и я…

Неважно. То есть, я хочу сказать: неважно ни то, что происходило в следующие полчаса… или час… или две минуты… ни то, почему я совершил те или иные поступки. Мне казалось, что память моя раздвоилась, как память шизофреника, а, впрочем, я не знаю, как устроена у шизофреников память, так что и ссылаться на нее не стану. Как бы то ни было, я отчетливо помнил, как повернул Лючию к себе, начал целовать ее в нос, щеки, губы, а она все теснее ко мне прижималась, нам было неудобно, и мы переместились в комнату, на диван, это произошло само собой, и еще я помнил, что мы — в то же самое время! — сидели на кухне перед экраном, Лючия сбросила мои руки со своих плеч, а я думал о последних словах, которые Гатти настучал на своем компьютере, а потом…

Исчез?

Но ведь перед этим он должен был, как минимум, надавить мышкой на клавишу «послать», иначе письмо осталось бы у него, Лючия его не получила бы… И если так, то почему Гатти отоспал письмо, не дописав предложения?

Лючия не могла ответить на мой вопрос, потому что в мире моей раздвоенной памяти перечитывала последние слова своего Джанни и одновременно расстегивала на мне рубашку, пуговицы не поддавались, она все больше нервничала и, в конце концов, ударила по какой-то клавише, отчего письмо свернулось и пропало с экрана, оставив в моей душе ощущение несбытия… в том числе несостоявшегося поцелуя и еще чего-то, что почему-то представилось мне в виде огромного бутона, медленно распускающегося в темноте то ли космического пространства, то ли моего собственного подсознания…

В себя я пришел в тот момент, когда вездесущий синьор Балцано вошел в стену и перестал существовать в этой реальности. Я успел только заметить его спину, скрывшуюся в стене кухни, как утопленник скрывается под водой, чтобы больше не появиться на поверхности.

— Ты видела? — воскликнул я и вскочил со стула, на котором сидел… нет, поднялся с дивана, на котором мы с Лючией… или, может, сделал еще что-то, о чем сразу же и забыл? В следующую секунду воспоминания соединились вместе, я перестал о них думать, позволив улечься в сознании так, как им самим благорассудится.

— Видела, — сказала Лючия, но которая из двух — или обе произнесли это в унисон?

Я подбежал к стене и погрузил в нее руки… то есть, мне показалось, что погрузил чуть ли не по локоть, на самом деле я какое-то время стоял, упервшись в стену обеими руками, будто стена могла упасть, а я, как атлант небеса, поддержал ее и не позволил обрушиться нам на головы. Нам — потому что Лючия оказалась рядом, но поддерживала не стену, а меня, впрочем, скорее не поддерживала, а сама пыталась о меня опереться, уткнувшись лбом мне в спину.

Я повернулся и обнял Лючию, она прижалась ко мне, так мы и стояли какое-то время, память моя успокоилась, хотя в ней и осталось что-то от недавней раздвоенности, но сейчас я прекрасно понимал, что на самом деле мы с Лючией разглядывали на экране письмо, а вовсе не предавались на диване… видимо, мое подсознание странным образом сделало воспоминанием то, что на самом деле являлось лишь несбытием… и несбыточным желанием. Никогда раньше со мной ничего подобного не происходило, но думать сейчас об этом не имело смысла, хотя думалось именно об этом, как обычно и бывает — скажи человеку: «Не вспоминай о белом слоне»…

— Как он это делает? — спросил я.

— Не знаю, — пробормотала Лючия очень невнятно, потому что говорила, прижавшись ртом к моей груди. — Но ты видел?

— Только тот момент, когда он…

Я отцепил от своих плеч ее пальцы и пошел к двери — медленно, как мне казалось, будто специально давал синьору Балцано время исчезнуть окончательно. В то же время я понимал,

что передвигаюсь очень быстро, не прошло и секунды, как я распахнул дверь в коридор, там тускло светили лампы под потолком, и у соседней квартиры подвыпивший жилец – парень лет двадцати двух – тыкал ключом в замочную скважину.

– Вы сейчас видели кого-нибудь, синьор? – спросил я и только теперь обратил внимание на то, что одежда моя пребывала в беспорядке, рубашка выбилась из брюк и расстегнута, на одной ноге туфля с развязавшимся шнурком, вторая нога и вовсе босая.

– Н-нет, – пробормотал парень. – Никого не видел, а что?

– Ничего, – сказал я. – Прошу прощения.

Парень нашел, наконец, потерянную замочную скважину, повернул ключ и исчез в своей квартире так быстро, будто за ним гнался сбежавший из зоопарка леопард.

– Куда он мог пойти, как ты думаешь? – спросил я. – Мне почему-то кажется, что он у тебя в квартире... Дай-ка ключ.

Я сжал в ладони металлический предмет и вышел в коридор. Подошел к двери с номером 8, вставил ключ в замочную скважину (почему-то в этот момент я ощутил себя молодым человеком, минуту назад возившимся у своей двери, я даже додумал его мысль: «Хреновина, ключ, наверно, не тот, поменялся с Агостино, вот напасть, теперь и домой не попаду»), но поворачиваться ключ не хотел, может, я действительно с кем-то поменялся, опять не моя мысль, или Лючия передала мне не свой ключ, но с чего бы ей так делать? Я вытащил ключ и посмотрел на номер, выгравированный на брелке: «11». Номер моей квартиры. Я обернулся, чтобы сказать об этом Лючии, и увидел. Бряд ли я смогу внятно описать то, что увидел, потому что в глазах то ли опять двоилось, то ли двоилось в сознании – как бы то ни было, одновременно происходили две вещи, выглядевшие равно реальными: синьор Балцано, наполовину выйдя из стены моей квартиры, держал Лючию за локоть и что-то говорил ей на ухо, а она не то чтобы отбивалась, но видно было, что ей неприятно, она пыталась синьора Балцано оттолкнуть, но у нее не получалось, да и как могло получиться, если на самом деле это был не человек, а какое-то желе, в которое руки Лючии погружались по локоть, неприятное и просто невыносимое для сознания зрелище... Может, поэтому я одновременно видел и другое – Лючия вышла в коридор и медленно шла ко мне, оглядываясь по сторонам, никакого Балцано не было в помине, но Лючия кого-то боялась, кого-то, похоже, кого она видела, а я – нет. Я хотел ей сказать, чтобы она вернулась в свою квартиру и не высывалась, пока я не разберусь, наконец, с этим феноменом, с человеком, научившимся действительно проходить сквозь стены или умевшим наводить на окружающих такой вот морок, когда начинает казаться все, что тебе внушат. Со мной раньше такие штучки не проходили, но со мной раньше не происходило много такого, что случилось сегодня.

Ключ по-прежнему не желал поворачиваться, но я толкнул дверь, и она открылась – неужели Лючия не заперла, когда шла ко мне... странно. Я успел войти, прежде чем додумал мысль до конца, а следом за мной проскользнула в комнату Лючия, и уже не было в сознании раздвоений, я все воспринимал четко – и опознал в мужчине, сидевшем в кресле перед телевизором, пресловутого синьора Балцано. Он положил ногу на ногу, смотрел на экран (телевизор был включен, показывали ток-шоу, но без звука, и если Балцано не умел читать по губам, то непонятно было, зачем ему смотреть это немое представление) и не обращал на нас с Лючией ни малейшего внимания.

– Это он? – сказал я.

– Он... кто? – прошептала Лючия мне в спину.

– Гатти.

Я спиной почувствовал, как она возмущена.

– Входите же, наконец, – сказал Балцано, не оборачиваясь. – Что вы, в самом деле, стоите, как неживые? Лючия, приготовь синьору выпивку.

– Синьор, скажите, как вам это удается? – спросил я.

– Удается – что? – вежливо переспросил Балцано.

– Да вот… Проходить сквозь стены.

– Я… – похоже, Балцано искренне не понимал вопроса. – Как сказали? Сквозь стены? Вы шутите, молодой человек?

Шучу? Я не снял на видео, как он проделывал свои фокусы, но в коридоре, несомненно, были камеры слежения, и надо будет попросить Чокки…

– Спасибо, дорогая, – сказал Балцано, и в моей руке оказался поданный Лючией бокал шампанского – сорт, какой я терпеть не мог: сладкое красное – это даже вином назвать было невозможно. На подносе, который Лючия держала обеими руками, стояли еще два бокала, и Балцано, привстав, взял один из них, пригубил, чмокнул и залпом допил – будто это был бокал коки. На лице его появилась гримаса удовольствия – и я настаиваю на этом определении: именно гримаса и именно удовольствия, как ни противоречат друг другу два эти слова. Лючия стояла посреди комнаты, продолжая держать на вытянутых руках поднос с единственным бокалом – пить ей, похоже, совсем не хотелось, но она знала (определенко знала!) привычки синьора Балцано, и он действительно, поставив пустой бокал на пол около кресла, еще раз приподнялся, взял с подноса оставшийся бокал и поднос забрал из рук Лючии, шампанское выпил таким же большим глотком, а поднос бросил на пол, и тот, как мне почему-то показалось, разбился с оглушительным звоном, хотя, конечно, разбиться он не мог, не стекло все-таки. Балцано отодвинул поднос ногой, пустой бокал поставил рядом с первым, показал Лючии на второе кресло, будто не она, а он был в этой квартире хозяином, мне тоже кивнул, предлагая сесть на что-то позади меня, но я точно знал, что там ничего не было, сесть я мог только на стул у окна, но почему-то знал и то, что именно туда мне садиться не нужно, и я остался стоять, а Балцано, пожав плечами (мол, ваше дело), проговорил:

– В общем-то мне и раньше казалось… Нет, серьезно. Сквозь стены, говорите вы? Любопытно.

– Очень, – согласился я.

– Очень, – повторил он. – Лючия, ты тоже… То есть, ты видела, как я…

– Да, – сказала она.

– Да, – повторил Балцано. – Очень интересно. Это означает…

Что это означало, по мнению синьора Балцано, я не понял, потому что размышления свои он не стал воспроизводить вслух, а мысли я прочитать не мог, и это обстоятельство меня в тот момент почему-то удивило больше всего: почему я не понимаю мыслей этого человека?

– Джузеппе, – прошептала Лючия, – пожалуйста, не надо об этом… Прошу тебя.

– Почему? – спросил я, продолжая наблюдать за выражением лица Балцано и пытаясь все же понять, о чем именно он думал. – Тебе не кажется, дорогая, что, если мы поймем это, то поймем все? И кстати, отчего ты так взъерошилась? Разве прошлой ночью он не являлся к тебе таким же экстравагантным способом? И разве не его ты ждала и сегодня? И не его ли мы слышали недавно в коридоре, когда он…

– Да, да, да, – кивала Лючия на каждое мое слово. – Но это совсем не то, что ты думаешь.

– Странно, – продолжал я, – что ты это все видела, я тоже, а синьор Балцано удивлен так, будто это не он…

– Именно! – восхликал Балцано, хлопнув себя ладонью по колену и торжествующе посмотрел мне в глаза. – По-видимому, все так, если рассматривать ситуацию с вашей точки зрения. Точка зрения – это уже интерпретация, а мы пока должны говорить только о фактах. Правильнее сказать: если рассматривать происходящее из вашей системы отсчета. Я-то могу видеть только из своей, и это создает кое-какие… Я не знал, что в вашей системе отсчета прохожу сквозь стены, могу себе представить… А собственно, – неожиданно оживился он, – собственно, я не пойму, как вы это себе представляете… то есть, как вы это наблюдаете. Очень любопытно. Если для меня материальной преграды не существует – по вашим словами…

– Это видела и...

– … Тем более. Так если… Ну, тогда я и в этом кресле не смог бы усидеть, верно? Почему я не проваливаюсь, а? Почему не падаю в центр Земли? Я только что коснулся вас рукой, и моя ладонь не прошла сквозь ваше тело. Попробуйте.

Он встал, подошел ко мне и протянул правую руку. Я протянул свою. Нормальное пожатие, не очень сильное, но и не слабое. Мы стояли друг перед другом и не торопились опускать руки. Я подумал почему-то, что если Балцано приходил каждую ночь к Лючии, они...

Видимо, ему в голову пришла та же мысль – Балцано оставил, наконец, мою ладонь в покое и через мое плечо посмотрел на Лючию. Я не видел выражения ее лица, затылком ощущал не мысли, но эмоции. Ей было хорошо. Странным образом она сейчас прекрасно себя чувствовала, ей было приятно на нас смотреть, ей было интересно нас слушать, она не собиралась вставлять ни слова, но каждое слово, сказанное нами, ложилось в ее систему представлений о мире – в общем, Лючия была в гармонии с собой. Я обернулся и встретился с ней взглядом. «Да, – сказала она, – ты прав, Джузеппе. Мне сейчас так хорошо, как не было… много дней. Потому что…»

А дальше я ничего знать не мог, эмоции к вопросу «почему?» отношения не имели, и продолжить фразу вместо Лючии я, конечно, не мог, а сама она не собиралась.

– Вас зовут Джанджакомо? – спросил я.

– Джеронимо, – поправил он. – Показать документ?

– Да, пожалуйста.

Он порылся в левом брючном кармане, что там можно было держать, кроме носового платка, да там ничего и не было, я-то видел, карман был пустым, когда Балцано запустил туда руку, но, пошарив, он извлек на свет пластиковую карточку и протянул ее мне со словами:

– Надеюсь, вас это удовлетворит, синьор Кампора.

Фотография соответствовала оригиналу. Странный документ. Пропуск, дававший право Джеронимо Балцано, 1957 года рождения, беспрепятственно проходить на любой объект корпорации «Гвидо и Клаудио, Ltd.». Я не знал, что представляла собой корпорация «Гвидо и Клаудио», я впервые видел такое название, и потому документ в первую секунду показался мне очень сомнительным. Однако, приглядевшись, я понял, что сделана карточка со множеством степеней защиты, подделать которые труднее, пожалуй, чем даже пресловутый американский доллар. Джеронимо Балцано. Ладно.

Балцано придвинул свое кресло к столику, на котором стояли три пластиковые тарелки с салатами: на одной – помидоры с огурцами, обильно политые оливковым маслом, на второй – что-то вроде французского салата, который я терпеть не мог, потому что в нем была мелко нарезанная морковь, а на третьей – нечто экзотическое, рыбное, то ли из креветок, то ли из крабового мяса, очень похоже… И чашки, наполненные кофе, в каждой плавала лимонная долька, так я тоже не любил… Ну ладно, если уж подано… Кстати, когда Балцано успел все это приготовить, наверняка у него ушло не менее получаса?

– Но ведь вы знакомы с синьором Гатти, – сказал я, – с синьором Джанджакомо Гатти.

Я не спрашивал, я утверждал. Конечно, Балцано знал Гатти и не сумел этого скрыть.

– Гатти, – пробормотал он, – Гатти, конечно… Что вы о нем знаете, синьор Кампора?

– Похоже, вам об этом человеке известно больше, чем мне, – сказал я. – Может, вы и расскажете?

Балцано протянул руку за тарелочкой, положил себе немного рыбного салата и сказал задумчиво:

– Да, я знаком с синьором Гатти. Боюсь только, что вам в ваших поисках, синьор Кампора, это не поможет.

– Вы знаете, что с ним произошло?

– Боюсь, что… Откуда мне это знать?

— Джузеппе, — сказала Лючия, — Джеронимо хочет мне помочь, так же, как и ты... и также, как у тебя, у него не получается. Вообще-то, он, как и ты, сыщик. Только...

— Только — что? — спросил я.

— Пользы от этого нет, — со вздохом произнес Балцано и достал еще одну карточку, на этот раз не из брючного кармана, а из маленького карманчика на рубашке, его и видно почти не было, полоски сливались, и карточка возникла, будто, как и ее владелец, прошла сквозь материальную преграду — маленький прямоугольник, значительно меньше пропуска на территорию корпорации «Гвидо и Клаудио».

Фотография. Любопытное фото — оно выглядело трехмерным, определенно имело глубину, а может, это освещение в комнате создавало такой зрительный эффект? На фото синьор Балцано выглядел лет на десять моложе, худощавый, без залысин, но это, конечно, был он.

— Джеронимо Балцано, — прочитал я вслух, — частное детективное агентство «Гебриды», Рим, улица Росселини, двадцать шесть, под контролем полиции, начальник управления майор Арнольдо Гонзаго... подпись...

Подделка. Точнее, игрушка. Может, синьор Балцано хотел этой штукой обмануть Лючию — похоже, ему это удалось, — но показывать такую карточку мне было с его стороны верхом наглости.

— Ну-ну, — сказал я добродушно. — Что-то я не припомню агентства «Гебриды». И майор Гонзаго какой-то... С каких это пор мы стали работать под прямым контролем...

— Ах, дорогой коллега, — сказал Балцано, пряча карточку — она исчезла в невидимом кармане так же, как давеча исчезло другое удостоверение, — давайте, наконец, объяснимся.

— Давайте, — с готовностью согласился я. — Вы садитесь, я постою здесь. Я вас внимательно слушаю.

Он сел. Положил ногу на ногу, нацепил на вилочку кусочек чего-то, что могло быть креветкой, прожевал, мы с Лючией ждали, то есть, я чувствовал, что она тоже ждет, ей тоже важно, что скажет синьор Балцано, будто она прежде ничего о нем не знала и даже не представляла, что он, собственно, делает в ее комнате.

Тем не менее, говорить начала Лючия.

— Джузеппе, — сказала она. — Это все правда. Я обратилась к синьору Балцано, когда... В общем, я попросила найти... или хотя бы узнать что-нибудь... я была в отчаянии... я ничего не понимала... я даже не поняла сначала, что он... они...

Я должен был видеть ее глаза. Пришлось обойти кресло и сесть на стул, теперь я видел их обоих. Лючия сидела, прикрыв лицо ладонью, будто свет мешал ей, а на лице Балцано можно было увидеть смену самых разных настроений — от удовольствия (по поводу чего?) до горестных раздумий (видимо, по поводу неожиданного для него развития событий).

— Лючия, — сказал я, — давай я продолжу, а вы с синьором Балцано меня поправьте, если я начну говорить чушь. Скорее всего, так и будет, потому что, в отличие от вас обоих, я почти ничего не понимаю в происходящем.

— Документ, — продолжал я. — Конечно, я работаю в контакте с полицией и карабинерами, это понятно. Но уж точно не под прямым контролем. В моей карточке нет ничего подобного и быть не может, сама суть работы частного детектива определяет... В общем, карточка... И другая — пропуск на какие-то заводы. Нет такой фирмы в Риме.

— Зачем мне... — начал Балцано с набитым ртом, но я не дал ему продолжить фразу.

— Незачем, конечно. Никакого смысла. А если еще учесть вашу способность проходить сквозь стены...

— Я не...

— Да, это вы уже говорили. Конечно, не. И если еще принять во внимание странное исчезновение синьора Гатти... и то, что муж Лючии говорил о...

– Вывод, вывод... – пробормотал Балцано, проглотив, наконец, и сразу положив в рот еще один кусочек.

– Да, вывод, – я помедлил. – Как говорится, когда все версии оказываются неверными, и остается одна, то, как бы она ни была фантастична, именно она и будет истинной.

– Истинной, – фыркнул синьор Балцано. – Никакая версия не может быть истинной по определению, это смешно.

– Да? – сказал я. – Что же тут смешного?

– Истины, – произнес Балцано, проглотив, наконец, последний кусок то ли креветки, то ли краба, – не бывает вообще. Все, чего мы можем добиться в любом расследовании, это правда, а она, как известно, у каждого своя. Можно сопоставить, да. Найти общие места. Выявить сценарии, которые... Ну, и судить, конечно – суд, по крайней мере, покажет, где и что сопоставимо, и следовательно...

– Джеронимо, – с неожиданным отчаянием в голосе воскликнула Лючия, – перестань, пожалуйста! Если ты хочешь сказать, что так ничего и не добился...

– Он тоже искал синьора Гатти? – спросил я.

– Конечно, – кивнула Лючия.

– По твоему поручению?

– Да.

– И приходил, чтобы доложить о результатах?

Лючия кивнула.

– Он не мог сделать это по телефону? Или через Интернет?

– Джузеппе, ты же знаешь, что нет!

– Из того, что сейчас было сказано, следует, что я правильно все понял. Это, конечно, не истина, как выражается синьор Балцано, но правда – причем для нас троих она одна и та же, и, значит, на нее можно положиться хотя бы в рассуждениях.

– Слишком длинная фраза, – заметил синьор Балцано. – Если коротко...

– Если коротко, – сказал я, – то в вашей эмуляции, синьор, не было Большого взрыва, верно? И синьор Гатти... Джанджакомо Гатти, который для Лючии... в общем, с ним там случилось что-то... он умер? То есть, я хочу сказать, реально, физически...

– Пожалуйста, – жалобно сказала Лючия. – Джузеппе, не надо так...

– Прости. Я прав?

– В принципе, – задумчиво произнес Балцано, – можно сказать и так. Хотя я бы сказал иначе.

– Как сказали бы вы?

– Послушайте, синьор Кампора, как вы это себе представляете? Другой мир, да? И в моем мире, и в вашем есть женщина по имени Лючия Лугетти, и есть частный детектив Джеронимо Балцано... И вот Балцано из одного мира является в другой... и потому здесь кому-то кажется, что он способен проходить сквозь стены, да? И в этом другом мире получаются два детектива Балцано, и если они встретятся... хм... то долго будут выяснять отношения... в смысле, кто из них настоящий...

– А что тут выяснять? – удивился я. – Ваши документы... И вы действительно проходите сквозь стены... Значит...

– Ничего это не значит, – торжествующе сказал Балцано. – Невозможно существование двух Балцано в одном месте и в одно время – это, если хотите, что-то вроде... вы знаете, что такое фермион, синьор Кампора?

– Молекула, переносящая запахи.

– Молекула – это фермion. А фермион – элементарная частица, подчиняющаяся статистике Ферми-Дирака. В вашей реальности. Как это в моей, я не знаю, потому что память... Впрочем, возможно, и в моей тоже... Неважно. В общем, это закон природы: две частицы не

могут одновременно находиться в одном и том же квантовом состоянии. А мы с вами для мироздания – те же элементарные частицы. И потому… Нет, со своим двойником я здесь не встречусь, это исключено. Но вы начали что-то рассказывать, синьор Кампора. Продолжайте.

– По-моему, – сказал я, – вы и сами все понимаете…

– Я-то да, – согласился синьор Балцано, – а вы, по-моему, не вполне. А нужно, чтобы вполне, иначе мы с вами не сможем работать, а если мы с вами не сможем совместно работать, нам не удастся найти синьора Гатти, а если нам не удастся найти синьора Гатти…

– Да, – сказал я, – что тогда?

– Синьора Лючия сказала мне, что муж обвиняет ее в том, что из-за ее прихоти… он именно так выразился, синьора?

– Да, – пробормотала Лючия.

– Из-за ее прихоти, – продолжал Балцано, – произошел Большой взрыв, в результате чего мы…

– Мы? – я поднял брови, я очень хотел показать этому типу, что и без его объяснений прекрасно все уже понял и могу дополнить его рассказ подробностями, которые синьору Балцано наверняка не известны.

– Мы, – повторил он, впрочем, не так уверенно, как прежде, – живем в том мире, в котором живем. Это не худший, кстати, вариант, но, с другой стороны, все могло быть…

– А что, – спросил я с интересом, – вы знаете что-то о мирах… гм… гораздо худших, чем наш?

– Вообще-то я не думаю, что это имеет отношение к вашему… к нашему расследованию.

– Мне просто интересно, – я пожал плечами.

– Конечно! – с энтузиазмом воскликнул синьор Балцано. – Есть гораздо хуже… То есть, хуже для нас с вами… Не исключаю, что в каждом из таких миров есть…

Он задумался. Он не знал, как сформулировать ответ, чтобы, с одной стороны, мне было понятно, а с другой – не говорить всего, что ему известно. Игра начала меня раздражать, я встал, подошел к Лючии, опустился на колени, и она прижала мою голову к своим ногам, это было… я поплыл куда-то… мы разговаривали… она говорила, проводя пальцами по моим волосам, а я отвечал, сжимая руками ее колени, для нас в такой манере беседы не было ничего странного, просто мы хотели, чтобы Балцано не слышал того, что мы говорили друг другу, он и не слышал, он, видимо, потерял интерес к происходившему, а возможно, и даже скорее всего, интерес к происходившему потерял я, потому что все уже понял, задачу решил, я знал, что произошло с синьором Гатти, я мог бы сказать об этом Лючии прямо сейчас, именно так, скав руками ее колени и уткнувшись носом в ее платье, пахнувшее так удивительно тонко и безбрежно, что…

Лючия гладила меня по голове и говорила, что совсем не хотела… ей и в голову не приходило… она об этом и не думала… все ведь происходит по законам, которые мы не очень-то знаем… точнее, не помним, а когда исчез Джанни, она решила, что ей незачем жить, потому что… нет, без всяких «потому что», просто жизнь стала бессмысленной, это кому угодно может показаться безумием, но Джанни стал частью ее самой, его письма… нет, разве это были письма… то есть, для кого-нибудь, кто их, возможно, прочитал бы, да…

Я знаю, что ты без него действительно не можешь, с некоторых пор я тоже не могу – не могу без тебя, и это не какое-то неожиданно вспыхнувшее чувство, это не любовь, как ты могла бы подумать, это просто ощущение себя. Понимаешь?

Да, – сказала она. Это ты хорошо сказал. Ощущение себя. Именно так.

Я должен был задать Лючии вопрос, на который хотел получить не мысленный ответ, а произнесенные вслух слова. Чтобы и синьор Балцано их услышал.

Я снял руки Лючии со своего затылка, ощущение было таким, будто я оттолкнулся от берега и ушел в свободное плавание, а берег притягивал, и больше всего мне хотелось вер-

нуться, пришвартовать свое суденышко и опять почувствовать себя защищенным от бурь... почувствовать себя самим собой, вот что.

Я поднялся с колен и обернулся, чтобы посмотреть, что делал Балцано все то время, пока мы с Лючий вели диалог, которого он не мог понять. Кресло, в котором минуту (а может, час?) назад сидел Балцано, было пустым. Чашка кофе тоже была пуста, и блюдце, на которое он положил себе салаты.

Я огляделся. Балцано не было в комнате, и у меня возникло ощущение, что его вообще не было в нашем мире.

– Ты хотел о чем-то спросить? – сказала Лючия и тоже поднялась.

– Балцано...

– Ты хотел о чем-то спросить меня? – повторила она.

– Да, – сказал я. – Я хотел спросить: ты помнишь...

Я запнулся. Я хотел задать вопрос, да. Но что-то происходило с моей головой, я чувствовал, как возникают мысли, это было странное ощущение, будто кто-то бродит по старому захламленному чердаку, влажной тряпкой протирает стекла от пыли, другой рукой выбрасывает ненужные вещи, вместо них мгновенно появляются вещи нужные, без которых невозможно жить, и с памятью моей тоже что-то происходило, я не мог понять, что именно, хотя, конечно, понимал, что понять это невозможно, потому что, когда меняется память, меняется личность.

Я хотел задать вопрос Люции, и я его задал:

– Послушай, – сказал я, – тогда, на Тироне, ты действительно не хотела, чтобы я поднялся по фрайму?

– Не хотела, – ответила Лючия, не удивившись вопросу.

– Нет, – повторила она и, неожиданно притянув меня к себе, прошептала в самое ухо: – Ты вспомнил? Милый, хороший, ты вспомнил это?

– Вспомнил, – пробормотал я. – Что значит – вспомнил. Я никогда этого не забывал.

– Да? – сказала Лючия. – Ты уверен?

Был ли я уверен? Когда-то в детстве, мне было четыре года или пять, неважно, я был с отцом в зоопарке, мы подошли к клетке с бурыми медведями, и один из них, неожиданно бросившись всей тушей на прутья решетки, дико заревел – наверно, от тоски – и при этом смотрел мне в глаза, будто это я посадил его в тюрьму. Мне стало страшно, я решил, что прутья сейчас сломаются, и медведь... это был совсем не такой медведь, о которых отец читал мне сказки, тогда я впервые понял разницу между вымышенным и настоящим, в том числе и между вымышенным и настоящим страхом. Я вцепился в отцовскую штанину, я ревел почти так же, как тот перепуганный медведь, меня успокаивали, отец купил мне мороженое, которое я проглотил, не чувствуя вкуса, а потом шоколадку, вкус которой до сих пор застrevал у меня между зубами... Помнил ли я этот эпизод? Конечно, я не забывал о нем никогда, но никогда и не помнил, потому что этот вой, этот страх, это потрясение основ стали моим «я», а о своем «я» не вспоминаешь, разве что тебе о нем напомнят, да, не вспоминаешь, но помнишь, помнишь каждую секунду, каждое мгновение твоего существования...

И тот эпизод на Тироне... о нем я не забывал тоже, потому что и тот случай стал моим «я», то, определил на многие годы мой характер, я не мог этого забыть, но и вспоминать («ах, я вспомнил, как...») не мог тоже, потому что такого унижения, как тогда...

– Уверен, – пробормотал я.

И лишь тогда подумал, что не мог я ничего этого вспомнить, потому что с Лючией мы были знакомы... когда же мы с ней познакомились на самом-то деле? Мне почему-то сейчас казалось, что знакомы мы целую вечность, именно вечность, а не чью-то жизнь, мою или ее, и что мы уже много раз встречались с ней и вели неспешные разговоры о природе мироздания,

хотя, казалось бы, почему именно с Лючией я должен был вести разговоры о том, в чем сам не разбирался, и знал, что она тоже не великий специалист в этих вопросах?

— Лючия, — сказал я, подняв пальцами ее подбородок — так, чтобы видеть глаза, — Лючия, ты ведь... то есть, твой муж... Вериано... он не случайно выбрал именно меня для этой работы?

— Да, — сказала она.

— И ты с ним на самом деле и не ссорилась даже...

— Нет, — сказала она. — То есть, я хочу сказать: конечно, ссорилась. Ты о чём, Джузеппе?

Я ушла от Вериано через две недели после того...

— Ушла, — согласился я. — И надоумила его обратиться ко мне.

— Да, но тогда я не знала...

— Не знала чего?

— Ничего! Джузеппе... Не спрашивай, почему я...

— В твоей памяти все путалось. Ты вспоминала одни письма, но знала, что Гатти писал тебе другие... Ты ходила по улицам, но знала, что они не такие, какими были вчера.

— Ужасно, — пробормотала Лючия. — Такое ощущение, будто застрияла между...

Она запнулась.

— Между мирами, — закончил я. — Не с тобой одной такое случалось. В литературе... То есть, и в жизни тоже, я встречался с такими случаями в своей практике, еще когда работал в полиции, это не такое уж редкое явление. Частичная амнезия. Замещение воспоминаний — будто у человека два прошлого. Или несколько... Чаще всего это болезнь.

— Нет, — сказала Лючия.

— Я знаю, что нет, но для всех это болезнь, шизофрения, раздвоение сознания, галлюцинации, голоса...

— Какие еще голоса? — возмущенно сказала Лючия и попыталась встать, но мои ладони все еще лежали на ее плечах, и она лишь обхватила своими руками мои локти, ее лицо приблизилось к моему, я опять ощутил ее запах, ее страх, ее желание, ее...

Ее?

Мне казалось, что я стою на коленях перед большим зеркалом и вижу в нем себя, но не такого, как сейчас, а такого, каким был, причем давно, когда мы с Лючией еще понимали, что... понимали, что...

— Да, милый, — сказала она. — Я выбрала тебя, потому что... нет, тогда я ничего еще не знала, не помнила, женская интуиция... или случай, но я не верю в такие случаи... я ткнула пальцем в страницу телефонной книги и попала в тебя.

— Ты. Но нанял меня Вериано.

— Конечно. Вериано такой... Он даже не знал, что я приходила домой, когда он был в университете, готовила ему еду, оставляла в холодильнике... а он возвращался, погруженный в свои проблемы, открывал холодильник... ему даже в голову не пришло, что это я... он думал, это горничная, он же ей платит, чтобы... а она ему только пиццу готовила на завтрак... Телефонную книгу я положила на стол, открыв на нужной странице, там против твоей фамилии стоял значок, какой обычно ставит сам Вериано. Мог он не позвонить тебе? Не мог.

— Ты хотела, чтобы я тебя нашел.

— Я... Нет. Тогда — нет.

— Да, — сказала она, помолчав.

— Сейчас — да, — повторила она.

— Джанни... — прошептала Лючия.

— Я не Джанни, — механически поправил я. — Мое имя Джузеппе Кампора.

— Да. Но...

— И кстати, — сказал я. — Действительно, существовал такой человек в этом мире. Я нашел его... То есть, следы его пребывания. Если хочешь, завтра... нет, уже сегодня, сейчас далеко

за полночь... сегодня в одиннадцать я буду осматривать квартиру, где он жил. Хочешь поехать со мной, это недалеко, сорок минут в сторону Флоренции?

Лючия смотрела на меня, как зачарованная.

– Этого не может быть, – сказала она.

– Не может? – удивился я.

– Нет, – сказала она и отступила на шаг. – Нет, Джузеппе. В этой капле есть только ты.

– Что? – пробормотал я.

Я вспомнил. В наш первый вечер мы пили кофе, и она сказала: «В этой капле заключен весь смысл бытия». И что? Банальность? Просто слова? Нет, – подумал я, – истина, которую я понял, засыпая, и о которой забыл утром. Капля. Слово, как это бывает, стало ключом, что-то изменилось в моем сознании, моей памяти...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.